

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра экономической теории

В.И. Гусева, А.Р. Айдарова

**КОНКУРЕНТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ:
ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ,
ПРАКТИКА**

Монография

Бишкек 2023

УДК 339.1(035.3)

ББК 65.011.3

Г 96

Рецензенты:

Т.Ш. Абдыров, д-р экон. наук, профессор
Международного университета Кыргызской Республики,
Н.А. Бровко, д-р экон. наук, профессор КРСУ им. Б.Н. Ельцина,
А.А. Саякбаева, д-р экон. наук, профессор
Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына

Рекомендовано к изданию Ученым советом
ГОУВПО КРСУ им. Б.Н. Ельцина

Гусева В.И., Айдарова А.Р.

Г 96 **КОНКУРЕНТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ТЕОРИЯ, МЕТОДО-**
ЛОГИЯ, ПРАКТИКА: монография. – Бишкек: Изд-во КРСУ,
2023. – 140 с.

ISBN 978-9967-19-914-9

В монографии рассматриваются как теоретико-методологические, так и практические аспекты развития конкурентных отношений. В монографии обосновывается выделение научных подходов к трактовке дефиниции «конкурентные отношения». Представлена классификация теорий конкурентных отношений, согласно которой предлагается выделить традиционные и современные теории конкурентных отношений. В рамках традиционных концепций выделены теории нерегулируемых конкурентных отношений, совершенства и отношений нововведений конкурентных отношений. К современным концепциям конкурентных отношений отнесены: теории социализации конкурентных отношений, теории конкурентных преимуществ, теории издержек конкурентных отношений, конкурентной эволюции и теории кластерных конкурентных отношений.

Монография предназначена для докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов вузов и всех, кто стремится приобрести знания в области экономики

УДК 339.1(035.3)

ББК 65.011.3

© ГОУВПО КРСУ, 2023

© Гусева В.И., Айдарова А.Р., 2023

ISBN 978-9967-19-914-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНКУРЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ	5
1.1. Конкурентные отношения как экономическая категория.....	5
1.2. Трансформация экономики и различные теоретические подходы к исследованию конкурентных отношений	16
1.3. Методологические аспекты оценки показателей конкуренции, развития конкурентных отношений и эффективности антимонопольной политики	31
ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ КОНКУРЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.....	45
2.1. Этапы развития конкурентных отношений в Кыргызстане в условиях трансформации экономики	45
2.2. Особенности конкурентной среды	57
и конкурентных отношений на современном этапе в Кыргызской Республике	57
2.3. Анализ уровня развития конкурентных отношений и антимонопольного регулирования в республике.....	74
ГЛАВА III. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНКУРЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.....	84
3.1. Зарубежный опыт совершенствования конкурентных отношений и возможности его применения в республике	84
3.2. Совершенствование антимонопольной политики в Кыргызской Республике	104
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	123
ЛИТЕРАТУРА	127

ВВЕДЕНИЕ

Конкурентные отношения представляют с собой основу существования и функционирования рынка, что является главным механизмом развития современной экономики. Сложный противоречивый процесс экономических преобразований командно-административной системы, нестабильность формирующейся экономической системы, трансформационный характер развития хозяйствующих субъектов и становления рыночных отношений между ними препятствуют осознанию конкурентных отношений как закономерности рыночной экономики.

В долгосрочной программе экономического развития Кыргызстана конкурентные отношения являются главным экономическим регулятором модернизации экономики. Возникла необходимость поиска новых стимулов экономического развития, переосмысления мирового опыта конкурентной борьбы, ее форм, методов и выработки своего пути экономического развития с учетом национальной специфики в условиях трансформации экономики и глобализации мирового хозяйства.

Современный этап развития экономической науки обусловил необходимость разработки моделей конкурентных отношений, учитывающих влияние как государственного регулирования, так и институциональных условий в стране с учетом не только рыночных факторов, но и других форсмажорных обстоятельств, в том числе пандемии COVID-19.

Исследование конкурентных отношений, их развитие в Кыргызской Республике в условиях трансформации экономики, где можно наблюдать несовершенство антимонопольного законодательства и антимонопольной политики, приобретает особую актуальность как в теоретическом, так и в практическом аспектах.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНКУРЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

1.1. Конкурентные отношения как экономическая категория

В экономической литературе как отечественной, так и зарубежной встречаются научные труды, посвященные конкуренции и конкурентоспособности, а работ по исследованию конкурентных отношений значительно меньше. Это объясняется тем, что конкуренция является одним из основных элементов рыночного механизма, который также включает такие составляющие, как спрос, предложение и цена.

Однако следует дифференцировать такие экономические категории, как «конкуренция», «конкурентоспособность» и, собственно, «конкурентные отношения». Безусловно, данные категории неодинаковы и имеют специфические отличия.

Такое экономическое явление, как «конкуренция», ученые-экономисты исследуют не одно столетие, что обусловило наличие многообразных трактовок сущности данной категории. Сам термин «конкуренция» в переводе с латинского означает «столкновение». Между тем, суждения представителей различных научных школ о сущности и экономическом содержании данной дефиниции имеют свои отличительные признаки.

Так, П. Буагильбер однозначно считал конкуренцию условием, необходимым для поддержания пропорциональных цен в экономике. По его мнению, «...до тех пор, пока предметы остаются в равновесии, нет иного средства обогатиться, как усилить работу и ловкость по сравнению со своим соседом, но не с целью обмануть его, пытаясь заполучить его продукт по низшей цене, а чтобы превзойти его в сноровке. И это соревнование, сделавшись всеобщим из-за желания обогатиться, усовершенствует все ремесла и богатство достигнет наивысшей степени» [29, 251].

В XVIII в. основоположник своеобразной школы политической экономии физиократов Ф. Кэнэ подчеркивает, что «следует поддерживать полную свободу торговли, так как самое надежное, совершенное и выгодное для народа и государства управление

внутренней и внешней торговлей заключается в установлении полной свободы конкуренции» [36, 125].

Фундаментальное положение о сущности экономической категории «конкуренция» заложены в учениях классиков политэкономии в конце XVIII в. А. Смитом, а затем Д. Рикардо (в начале XIX в.).

В основу «концепции экономического либерализма, как и физиократы, А. Смит положил идею естественного порядка, т. е. рыночных экономических отношений. Однако в отличие от Ф. Кенэ он подчеркивает, что рыночные законы лучшим образом могут воздействовать на экономику, когда частный интерес стоит выше общественного, т. е. когда интересы общества в целом рассматриваются как сумма интересов составляющих его лиц. Далее автор «Богатства народов» вводит понятия «экономический человек» и «невидимая рука» [55, 112]. Экономического человека А. Смит характеризует, как человека, стремящегося к личному обогащению, совершенного эгоиста и постоянно подчеркивает это обстоятельство: «люди вступают в экономические отношения друг с другом, желая достичь своего корыстного интереса, но для этого они должны оказывать услуги другим людям, которые также преследуют свой собственный интерес. Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что нужно тебе... Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоизму...» [49, 17]. Смысл «невидимой руки» он видит в распространении таких общественных условий и правил, при которых благодаря свободной конкуренции предпринимателей и через их частные интересы рыночная экономика будет наилучшим образом решать общественные задачи» [49], посредством которых каждый получит максимально желаемый результат.

Иначе говоря, Адам Смит отождествляет конкуренцию и «невидимую руку». По его мнению, «невидимая рука» независимо от воли и намерения индивида – «экономического человека» – направляет его и всех людей к наилучшим результатам, выгоде и к более высоким целям общества, оправдывая как бы тем самым

стремление человека-эгоиста ставить личный интерес выше общественного» [49]. По представлению А. Смита, рыночный механизм хозяйствования благодаря «невидимой руке» всегда сможет саморегулироваться без вмешательства государства. Только свободную конкуренцию видел А. Смит условием для того, чтобы заработали экономические законы. Благодаря которой власть на рынке будет пропорционально распределена между хозяйствующими субъектами. Чем больше продавцов на рынке, тем меньше возможности и условий для монополизации рынка и создания условий для дефицита товаров и услуг, и тем больше возможности приобретать товар или услуги по более приемлемой цене.

«В отличие от П. Буагильбера или физиократов Смит не ограничивается простым провозглашением концепции *laissez faire*, а впервые глубоко обосновывает данный принцип с присущей ему тщательностью и систематичностью. Смит доказывает, что каждый человек может гораздо лучше законодателя или чиновника определить сферу своей деятельности или выбрать отрасль для применения своего капитала. Всякое регулирование здесь бесполезно и даже вредно, поскольку чиновник – плохой управляющий, он живет за государственный счет и непосредственно не заинтересован в хороших результатах работы предприятий, небрежен и расточителен» [51].

Его последователь и ученик Д. Рикардо, как приверженец концепции экономического либерализма, развивая идеи ценового регулирования рынка с помощью конкуренции, отмечал: «...когда говорят о предмете потребления, его меновой стоимости и о законах, регулирующих его цены, то всегда имеется в виду такой товар... на производство которого огромное значение оказывает конкуренция» [48, 397]. Отличительным условием Д. Рикардо было то, что цена складывается в результате конкурентной борьбы под воздействием спроса и предложения.

Согласно определению К. Маркса, конкуренция – это «свойственная товарному производству борьба между частными товаропроизводителями за более выгодные условия производства и сбыта товаров, за получение наивысшей прибыли» [42, 17].

Обобщая взгляды классиков политэкономии, отметим, что, характеризуя данную экономическую категорию, они делали акцент на цены и таком поведении продавцов и покупателей, «которое характеризовалось честным, без сговора соперничеством за наиболее выгодные условия продажи или покупки товаров» [128].

Позднее данная позиция в экономической литературе получит название поведенческой трактовки понятия «конкуренция».

Неоклассики, в том числе А. Маршалл, поддерживают представленное выше толкование сущности конкуренции. Согласно идеям А. Маршалла, «...конкуренция – это борьба за редкие экономические блага, за деньги потребителя...» [43].

Признавая огромный вклад в разработку сущности и экономического содержания данной экономической категории представителей школы классической политэкономии и неоклассиков, необходимо, тем не менее, указать на тот факт, что основным объектом конкурентной борьбы они считали цены. На наш взгляд, такое истолкование исследуемой категории свидетельствует об узком подходе, поскольку известно о существовании, как «ценовой, так и неценовой конкуренции на рынке» [35, 79].

Необходимо указать также, что, по мнению классиков политэкономии и неоклассиков, рыночный механизм хозяйствования благодаря конкуренции не требует вмешательства государства, что нашло отражение в определениях экономической категории «конкуренция», которые они представили в многочисленных научных трудах.

Во второй половине XIX в. в развитие теории и разработку понятия «конкуренция» свою долю внесли Антуан Огюст Курно, Генрих Госсен и, конечно, Уильям Джевонс, который в 1871 г. вводит дефиницию «закон безразличия», определяя «условием существования совершенного рынка наличие только одной цены у любого однородного товара, установление которой не зависело от территориальной близости участников» [59].

Дж. Кэрнс определил состояние свободной конкуренции как такое, «при котором товары обмениваются пропорционально затратам труда и капитала на их производство» [35, 79].

«Ученик У.С. Джевонса Ф.И. Эджуорт первым попытался дать систематическое и строгое определение совершенной конкуренции» [157], которое гласит: «Область конкуренции в отношении рассматриваемого контракта (или контрактов) состоит из всех отдельных лиц, желающих и могущих пересмотреть обусловленные цены контракта...» [127].

Следует отметить, что, наряду с поведенческой трактовкой сущности категории «конкуренция» в XIX в. и тем более в XX в. получило широкое распространение другое толкование, которое связывало данное экономическое явление, прежде всего, со структурой конкуренции, которая предполагала выделение «четырех основных типов рынка: совершенная конкуренция, чистая монополия, олигополия и монополистическая конкуренция» [55, 57].

Существенный вклад в развитие категориального аппарата экономической науки внесла Джоан Робинсон, которая ввела в научный оборот понятия «совершенная и несовершенная конкуренция», а также разработала их параметры, характеризующие «величину транспортных расходов, уровень качества продукции, влияние рекламы» [94, 25].

Среди ученых, рассматривающих экономическое содержание понятия «конкуренция» в ключе структурного подхода, необходимо назвать Э. Чемберлина, по определению которого «конкуренция – это динамический процесс, в котором совершенная конкуренция и чистая монополия оказываются лишь моментами единого процесса развития рынка» [61, 5].

Однако Э. Чемберлин, в противовес Дж. Робинсон, которая рассматривала несовершенную конкуренцию в качестве основания для вмешательства государства, полагал, что в этом нет необходимости.

К.Р. Макконнелл и С.Л. Брю также относятся к сторонникам структурного подхода к толкованию понятия «конкуренция». По определению авторов «Экономикс», «...конкуренция – это наличие на рынке большого числа независимых покупателей и продавцов, возможность для покупателей и продавцов свободно входить на рынок и покидать его» [41, 124],

Таким образом, отличительной характеристикой структурной трактовки сущности категории «конкуренция» является смещение акцента с соперничества, состязательности между фирмами, то есть с поведенческих аспектов, на анализ типов структуры рынка и условий, которые имеют место на нем.

Кроме перечисленных выше поведенческой и структурной трактовки понятия «конкуренция», в экономической теории существует еще и так называемая функциональная позиция к определению данной категории. Функциональный подход к истолкованию конкуренции, прежде всего, связывают с именами Й. Шумпетера и Ф. фон Хайека.

Принципиальный признак функциональной трактовки экономического содержания дефиниции «конкуренция» – это исследование ее экономической функции на рынке, суть которой сводится к индуцированию инноваций, то есть исследуется инновационная функция. Для Й. Шумпетера «с точки зрения экономического роста, конкуренция представляет собой соперничество старого с новым: новые товары, новые технологии, новые источники обеспечения потребностей, новые типы организаций» [52, 12]. По мнению Шумпетера, «конкуренцию следует рассматривать более широко» не только и не столько «в качестве стратегии взаимодействия фирм на рынке, но и в качестве движущей силы экономической жизни» [158].

Другой выдающийся австрийский экономист Фридрих фон Хайек, рассматривая конкуренцию, делает акцент на роль информации. Хайек определял конкуренцию «как процедуру открытия для таких фактов, которые без обращения к ней оставались бы никому неизвестными или по меньшей мере не используемыми» [109, 8]

Со слов Хайека, «в условиях недостаточности информации на рынке, конкуренция не только направляет предпринимателя на поиски верной стратегии развития» [70], но также представляет информацию о необходимом объеме производства и сбыта, использования ресурсов, информацию о реализации кому, где и по какой цене. Он также предполагал, что рынок сам в состоянии

саморегулироваться под воздействием спроса и предложения. По его мнению, «одна из специфических функций конкуренции это наиболее эффективное использование имеющейся информации субъектами рынка» [109, 9].

Итак, в XX в. «теория конкуренции расширилась благодаря включению в предмет ее исследования инновационной составляющей конкурентной борьбы. К.Дж. Эрроу на основе анализа эконометрических моделей внедрения инноваций в условиях различных структур доказал, что конкуренция обеспечивает большие стимулы к внедрению инновации. Аналогичной точки зрения придерживались основоположники теории экономики отраслей Э.С. Мейсон и Д.С. Бейн» [115, 53–68].

Другая экономическая категория, которую надлежит дифференцировать с понятием «конкурентные отношения» – это «конкурентоспособность». Безусловно, понятие «конкуренция» является фундаментом для таких категорий, как «конкурентоспособность» и «конкурентные отношения», но путать их не следует. Определений дефиниции «конкурентоспособность» в экономической литературе приведено также немало.

«Конкурентоспособность – это свойство субъекта, указывающее на его способность выдерживать конкуренцию с себе подобными, на его способность совершать конкурентные действия» – указывается в статье Коваленко А.И. «Теоретические и методологические аспекты использования концепции «конкурентоспособности» в научных исследованиях» [78, 66].

А российский ученый Селезнев А. предлагает следующее определение: «Конкурентоспособность – это обусловленное экономическими, социальными, политическими факторами положение товаропроизводителя на внутреннем и внешнем рынках, отражаемое через показатели, адекватно характеризующие такое состояние и его динамику» [44].

По определению Ивановой: «Конкурентоспособность предприятия – это необходимое условие обеспечения производства конкурентоспособной продукции, что является в современных условиях важным направлением деятельности предприятия, ори-

ентированного на завоевание как внутреннего, так и внешнего рынка путем создания продукции, отвечающей требованиям потребителей и мировым стандартам в конкретных сегментах рынка в определенный период времени» [31].

«Конкурентоспособность товара во многом определяет конкурентоспособность и самого предприятия, его финансово-экономическое состояние...» [50, 96], – считает Т.Г. Философова.

Краткий обзор формулировок определений категории «конкурентоспособность» позволяет сделать вывод, что трактовки конкурентоспособности на разных уровнях имеют свою специфику, в том числе различают конкурентоспособность государства, конкурентоспособность региона, конкурентоспособность фирмы, конкурентоспособность продукции.

Многие из авторских определений категории «конкурентоспособность», приводимых в многообразных источниках, весьма спорны. К примеру, Рове М. утверждает, что «конкурентоспособность – это способность страны или фирмы продавать свои товары» [130].

Таким образом, конкурентоспособность – это способность одерживать победу в условиях конкуренции. Однако следует констатировать, что данная категория располагает развитой системой понятий, а также индикаторов, факторов и преимуществ.

Что касается системы понятий, которыми могла бы оперировать такая экономическая категория, как «конкурентные отношения», то необходимо заметить, что она находится на стадии формирования. На современном этапе ее понятийный аппарат отличается фрагментарностью, противоречивостью и многополярностью.

На основе группировки определений дефиниции «конкурентные отношения» предлагается выделить в трактовке данной категории несколько подходов:

- идентичный;
- общетеоретический;
- специфический (в различных сферах);
- институциональный.

Если обратиться к истолкованию данной категории в экономических источниках, то масса определений конкурентных отношений сводится к отождествлению с понятием «конкуренция». Так, в знаменитой книге А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» [49] параллельно с понятием «конкуренция» используется категория «соперничество», которая отражает экономические отношения между конкурентами, то есть конкурентные отношения на рынке.

Таким образом, «Адам Смит понимал сущность конкурентных отношений как совокупность взаимозависимых попыток различных продавцов установить контроль на рынке» [160].

Ученый, с присущей ему мудростью и дальновидностью, полагал, что конкурентные отношения способствуют лучшему распределению ресурсов и повышению эффективности, что в конечном итоге увеличивает благосостояние потребителя и способствует экономическому росту. На конкурентном рынке продукт будет предлагаться по цене, основанной на конкуренции между различными поставщиками, в то время как при отсутствии конкуренции, как в случае монополизированной экономики, участники рынка могут получить доминирующие позиции на рынке, которые позволяют им устанавливать более высокие цены в свою пользу, препятствуя распределительной эффективности от материализации, что, в свою очередь, приводит к снижению темпов экономического роста. Более того, борьба и защита монополий могут привести к неправильному распределению инвестиций, что приведет к снижению экономической эффективности.

Да, следует согласиться, что понятие «конкуренция» находится в диалектическом единстве с понятием «конкурентные отношения», они взаимосвязаны, более того, надо признать, что в основе конкурентных отношений лежит конкуренция. Однако, между данными понятиями нельзя ставить знак равенства.

Общетеоретический подход к конкурентным отношениям связан, прежде всего, с научными разработками М. Портера, в которых конкурентные отношения определяются влиянием пяти конкурентных сил.

Рисунок 1– Влияние пяти сил конкуренции М. Портера на конкурентные отношения

М. Портер полагал (рисунок 1), что «конкурентные отношения это взаимодействие следующих факторов: угрозы появления новых конкурентов, угрозы появления новых товаров, влияние поставщиков, влияние потребителей, конкуренция внутри отрасли» [47].

Ряд авторов определяет конкурентные отношения с позиции специфического подхода, суть которого сводится к тому, что многие ученые придерживаются точки зрения, согласно которой конкурентные отношения в различных сферах отличаются по ряду признаков.

Наиболее полно особенности конкурентных отношений в банковской сфере отражены в научных трудах Ю.А. Коробова, который «поддерживает имеющийся в экономической литературе тезис о специфике банковской конкуренции. По мнению ученого «...конкуренция в сфере банков характеризуется сильной зависимостью от психологических факторов, от доверия клиентов. Утрата доверия клиентов к отдельным кредитным учреждениям может распространиться на банковскую систему в целом. В этом случае всей экономике страны может быть нанесен огромный ущерб в силу особого положения банков в стране» [33].

Попков В.В., в работах которого «объектом специального исследования также являются конкурентные отношения в банковской сфере», пишет «о необходимости выделения проблемы

банковской конкуренции в самостоятельное направление в экономической науке» [94].

Такого же мнения придерживаются А.И. Бундина, А.А. Роговицкий, Д.Т. Корнилов, Г.Н. Белоглазова, Э.С. Иванченко, А.М. Тавасиев, Н.М. Ребельский и другие ученые, которые исследуют конкурентные отношения в банковской сфере с позиции целесообразности государственного участия в ее деятельности [73].

Безусловно, необходимо согласиться, что конкурентные отношения в банковской сфере или торговле имеют свои особенности. Между тем, для исследования конкурентных отношений, в первую очередь, играют важную роль закономерности и общие черты.

Институциональный подход к исследованию понятия «конкурентные отношения» довольно широко представлен в литературе последних лет. С точки зрения институционального подхода, конкурентные отношения – это отношения между институтами, предполагающие необходимость правового регулирования конкуренции.

К примеру, И.Р. Курнышева утверждает, что «... взаимоотношения и взаимодействие конкуренции и монополий представляют собой специфическую модель институциональной ловушки в системе ряда других институциональных ловушек, наличествующих в российской экономике» [82].

Так, А.Н. Олейник с позиции данного подхода устанавливает, что «идея институционализма» выросла из роста потребности в правовом регулировании экономической среды и упорядочении как ее основных «внутренних» институтов, так и специализированных институтов правового регулирования [45].

Правовой подход с позиций институционализма поддерживает В.В. Стрелкова, по мнению которой конкурентные отношения, с одной стороны, это система мер публично-правового регулирования, направленных на установление запретов на совершение хозяйствующими субъектами определенных действий, а с другой стороны, это система мер, направленных на поощрение и стимулирование проконкурентного поведения в экономике [103].

Анализируя мнения многочисленных авторов, исследующих суть экономической категории «конкурентных отношений»,

а также на основе изучения и анализа трудов отечественных и зарубежных ученых предлагается следующее определение данного понятия: конкурентные отношения – это система экономических отношений, типичных в условиях рынка, базирующихся на частной собственности, институциональных нормах и экономическом интересе.

В отличие от множества других подходов к данной категории представленное определение акцентирует внимание на системе экономических отношений между конкурентами, государством.

Конкурентные отношения могут быть:

- конфликтными и бесконфликтными;
- взаимозависимыми и независимыми;
- нерегулируемыми и регулируемыми государством.

1.2. Трансформация экономики и различные теоретические подходы к исследованию конкурентных отношений

Термин «трансформация» произошел от двух латинских слов (*trans* и *forma*) и дословно на русский язык переводится, как преобразование, превращение. Необходимо констатировать тот факт, что данный термин нашел широкое применение во многих науках: политологии, лингвистике, архитектуре, биологии, математике, медицине, механике и других.

«В общественных науках до середины XX в. термин «трансформация» использовался крайне редко. Он употреблялся философами, социологами (Н.А. Бердяевым, П.А. Сорокиным, К. Полянью и др.) в смысле глубокого, качественного изменения чего-либо, переломного периода истории» [118].

В экономике данный термин появился относительно недавно. Трансформация в экономике означает «долгосрочное изменение доминирующей экономической активности, с точки зрения преобладающего относительного участия или занятости способных людей» [163].

Трансформация – это одностороннее и необратимое изменение доминирующей экономической активности человека (сек-

тор экономики). Такие изменения обусловлены медленным или быстрым непрерывным улучшением темпов роста производительности в отрасли. Сам рост производительности обусловлен технологическим прогрессом, притоком «полезных инноваций», накопленными практическими знаниями и опытом, уровнями образования, жизнеспособностью институтов, качеством принятия решений и организованными человеческими усилиями. Трансформации отдельных секторов являются результатом социально-экономической эволюции человека.

Человеческая экономическая деятельность до сих пор претерпела как минимум две фундаментальные трансформации, поскольку изменился ведущий сектор:

- от кочевой охоты и собирательства (H / G) до сельского хозяйства (A);
- от сельского хозяйства (A) к промышленности (I).

За пределами промышленности сейчас нет четкой картины. Некоторые могут утверждать, что сферы услуг (в частности, финансы) затмили промышленность, но доказательства неубедительны, и рост производительности в промышленности остается главной движущей силой общего экономического роста в большинстве национальных экономик.

Эта эволюция естественным образом переходит от обеспечения необходимой пищи, производства полезных вещей к оказанию полезных услуг как частных, так и государственных. Ускорение темпов роста производительности ускоряет преобразования, начиная с тысячелетий до столетий и заканчивая десятилетиями недавней эры. Именно это ускорение делает трансформацию актуальной экономической категорией сегодняшнего дня, более фундаментальной по своему воздействию, чем любая рецессия, кризис или депрессия. Эволюция четырех форм капитала сопровождается все экономические преобразования» [142].

Трансформация весьма отличается от сопутствующих циклических спадов и кризисов, несмотря на сходство проявленных «явлений (безработица, технологические сдвиги, социально-политическое недовольство, банкротства и т. д.). Однако инстру-

менты и вмешательства, используемые для борьбы с кризисом, явно неэффективны для преодоления нециклических преобразований. Проблема в том, сталкиваемся ли мы с простым кризисом или фундаментальным» [163] преобразованием (глобализация → перемещение).

Переход от плановой к рыночной экономике – это тоже трансформация, которая сопровождается изменением и в конкурентных отношениях, и не только в них. Безусловно, всякая трансформация экономики меняет методологию и методологические принципы конкурентных отношений.

Теоретические подходы к исследованию конкурентных отношений также отличаются неоднозначностью и многообразием, поскольку в периодической и научной литературе по экономике конкурентные отношения анализируют с различных теоретических и методологических позиций представители известных школ, среди них: Ф. Кэне, А. Смит, Д. Рикардо, Ж.Б. Сэй, К. Маркс, Дж. Милль, К. Мангер, А. Марша А. Курно, П. Сраффа, Э. Чемберлин, Дж. Робинсон, А. Лернер, П. Свизи, Форхаймер, Бертран, Штакельберг Й. Шумпетер, Ф. фон Хайек, Дж. Эрроу, Э. С. Мейсон и Д. С. Бейн, Нельсон, С. Уинтер, А. Харбергер, Х. Лейбенстайн, О. Уильямсон, Р. Коуз, Д. Норт, М. Олсон, Дж. Стиглер, М. Портер и др.

Многообразные концепции конкурентных отношений предлагается классифицировать следующим образом (таблица 1):

Таблица 1 – Классификация теорий конкурентных отношений

Виды	Подвиды	Фундаментальные положения	Представители
Традиционные теории конкурентных отношений	Теории нерегулируемых конкурентных отношений		Ф. Кэне, А. Смит, Д. Рикардо, Ж.Б. Сэй, К. Маркс, Дж. Милль, К. Мангер, А. Маршалл

	Теории совершенства конкурентных отношений		А. Курно, П. Сраффа, Э. Чемберлин, Дж. Робинсон, А. Лернер, П. Свизи, Форхаймер, Бертран, Штакельберг
	Теории конкурентных отношений нововведений		Й. Шумпетер, Ф. фон Хайек, Дж. Эрроу, Э. С. Мейсон и Д. С. Бейн
Современные теории конкурентных отношений	Теории социализации и знаниеемкости конкурентных отношений		Г. Саймон, Т. Шульц, Г. Беккер, Дж. Гэлбрейт, К. Виига, П. М. Сенге, И. Нонаки, Х. Такеучи, Г. Хамел и К. К. Прахаланд
	Теории конкурентных преимуществ		М. Портер, М. Трейси, Ф. Вирсема Б. Вернерфельт, Р. Грант, С. Монтгомери, П. А. Глур, Л. Линн, А. МакКормак, Р. Нельсон, С. Уинтер
	Теории издержек конкурентных отношений		А. Харбергер, Х. Лейбенштайн, О. Уильямсон, Р. Коуз, Д. Норт, М. Олсон
	Теории конкурентной эволюции	Конкурентные отношения, как отношения соперничества не соответствует сущности современных экономических отношений	А. М. Бранденбургер, Б. Дж. Нейлбафф
	Теории кластерных (региональных и отраслевых) конкурентных отношений		Дж. Стиглер, А.И. Татаркин, Л. Юрганова, М. Галушко

В рамках теории «нерегулируемых конкурентных отношений рассматривается соперничество между индивидуальными продавцами и покупателями за более выгодные условия» [94]. Среди представителей данных теорий Ф. Кенэ, А. Смит, Д. Рикардо, Ж.Б. Сэй, К. Маркс, Дж. Милль, К. Мангер, А. Маршалл и др.

Теоретические исследования сущности нерегулируемых конкурентных отношений берут свое начало от физиократов, в частности от Ф. Кенэ, который решительно осуждал взгляды меркантилистов на экономические проблемы, происходящие в стране на протяжении ряда десятилетий, в частности кольбертизм времен короля Людовика XIV, который своим иррациональным правлением привел сельское хозяйство в неудовлетворенное состояние. Осуждения Ф. Кенэ проявлялись «в его убежденности о необходимости перехода к фермерскому хозяйству как основе свободного механизма хозяйствования на принципах полной свободы ценообразования в стране и вывоза за границу сельскохозяйственной продукции» [56].

В высказываниях Ф. Кенэ можно заметить его двойственное отношение к торговле. С одной стороны, признавая торговлю «бесплодным занятием», с другой стороны, Ф. Кенэ утверждал, что для расширения торговли, искоренения монополии и снижения торговых издержек необходима абсолютная свобода торговли

Наиболее известный ученый, который исследовал нерегулируемые конкурентные отношения, – это А. Смит. Он, рассматривая поведение субъектов конкурентных отношений (действия или «характер индивидуальных продавцов и покупателей в борьбе или соперничестве за лучшее место покупки и продажи товаров и услуг), первым выявил взаимосвязь конкурентных отношений со спросом и предложением, отождествляя свою теорию с тем, что каждый индивид преследует свои эгоистической цели, в целях достижения наибольшего удовлетворения своих потребностей и достижения благ. Он также рассматривает конкурентные отношения как способ эффективного и равномерного распределения экономических ресурсов между участниками рынка.

Развивая идеи А. Смита, Д. Рикардо исследовал и описал механизм ценового регулирования рынка с помощью конкуренции,

обобщил концепцию конкурентных отношений при функционировании рынка в долгосрочном периоде и разработал теорию относительных конкурентных преимуществ» [48].

Существенный вклад в методологию исследования конкурентных отношений внес также Дж. С. Милль, который рассматривал конкурентные отношения как один из основных факторов, определяющих «раздел продукта» в условиях частной собственности, разработал уравнение международного спроса, выделил неконкурирующие на рынке группы.

Значительное внимание феномену конкурентных отношений уделял К.Г. Маркс, предположивший, что ведущей предпосылкой конкурентных отношений является хозяйственная обособленность товаропроизводителей и наличие у них частных интересов, обусловленных частной собственностью, разграничивший и охарактеризовавший содержание внутри- и межотраслевой форм конкурентных отношений и пришедший к выводу, что конкурентные отношения являются основой механизма перераспределения капитала между отраслями, который объективно устанавливает средний уровень нормы прибыли в национальной экономике, и определявший конкуренцию как борьбу между капиталистами за наиболее выгодные условия вложения капитала» [42].

В XIX в. важную роль в развитии теории конкурентных отношений сыграли представители неоклассического направления экономической науки, которые сосредоточились на анализе конкурентных отношений на микроэкономическом уровне, исследовали существенные условия конкуренции, выявили, что ее ведущей предпосылкой выступает ограниченность экономических ресурсов, уточнили влияние конкурентных отношений на механизм рыночного ценообразования, а также заложили основы новой модели конкуренции.

Так, основоположник неоклассического направления А. Маршалл, развивая идеи классиков, исследовал и обосновал механизм автоматического установления рыночного равновесия под действием законов предельной производительности и предельной полезности. В то же время он подверг критике классическую модель совершенной конкуренции, охарактеризовав рыночное равновесие лишь как частный случай состояния экономики.

Ученый обосновал необходимость исследования промежуточного состояния между монополией и свободной конкуренцией (несовершенной конкуренции) и, разработав теории частичного и долгосрочного устойчивого рыночного равновесия с учетом развития технологий и предпочтений потребителей при определении относительных цен, заложил теоретические основы концепции монополистической конкуренции» [43].

Что касается теорий совершенства конкурентных отношений, то первым проявил интерес к роли количества конкурирующих субъектов на рынке Антуан Огюст Курно. Ученый высказал гипотезу, что совершенные конкурентные отношения – это предельный случай целого спектра рыночных структур.

Безусловно, определенный вклад в концепцию конкурентных отношений привнесли и другие ученые.

Например, П. Сраффа обосновал, что «действующие на конкурентном рынке крупные компании за счет предпочтений потребителей и использования эффекта масштаба производства получают конкурентные преимущества, реализация которых приводит к нарушению функционирования механизма совершенных конкурентных отношений и оказывает существенное влияние на процесс ценообразования. Он считал, что монополизированные рынки являются достаточно распространенным явлением тогдашней хозяйственной жизни» [94].

По мере совершенствования математических инструментариев, применявшихся в экономике, господствовавшая ранее модель совершенных конкурентных отношений была заменена на концепцию несовершенных конкурентных отношений.

Родоначальником концепции монополистических конкурентных отношений, ради исторической истины, следует назвать Э.Г. Чемберлина, который разработал теорию синтеза совершенной конкуренции и монополии. Особым вкладом Э.Г. Чемберлина в развитие концепции конкурентных отношений можно считать введение понятия «неценовые конкурентные отношения», предполагающие:

- совершенствование качества продукции;
- рекламу производимой фирмой продукции;

- внедрение послепродажного обслуживания;
- имидж фирмы и другие.

Джоан Робинсон также разработала оригинальную собственную теорию конкурентных отношений. Ее концепция отличалась от ранее предложенных научных теорий, прежде всего, увеличением перечня «неценовых конкурентных отношений», включающих:

- величину транспортных расходов;
- продажу товаров в рассрочку;
- деловую репутацию компании;
- продление сроков послепродажного обслуживания.

Основное внимание Робинсон уделила исследованию чистой монополии, монополии и олигополии, так как считала, что на современные рыночные отношения определяющее влияние оказывают крупные корпорации. При этом она акцентировала внимание на негативных социально-экономических эффектах фиксирования цен олигополистическими группами и монополизации рынка. В то же время исследователь выделила отрасли, где конкурентные отношения невозможны в силу технологических особенностей, в первую очередь масштаба производства: железнодорожный транспорт, электроэнергетика, газовая промышленность и др. Следует отметить, что Робинсон считала совершенную конкуренцию идеалом рыночной экономики, а любые отклонения от него рассматривала как нарушение равновесного состояния хозяйственной системы и повод для корректирующего государственного вмешательства.

Несколько ранее подверг критике идею саморегулирования рынка и обосновал необходимость государственного вмешательства в конкурентные отношения Дж. М. Кейнс» [94].

В XX веке концепция конкурентных отношений продолжила стремительное развитие, чему в немалой степени способствовало введение экономической категории «инновации» в рамках теории конкурентных отношений нововведений.

К слову, К. Эрроу, применив эконометрические расчеты эффективности внедрения инноваций в условиях различных типов рыночных структур обосновал, что конкурентная среда обеспечивает большие стимулы к инновациям» [115].

Поддержали точку зрения Дж. Эрроу и авторы теории отраслевых рынков – Э.С. Мейсон и Д.С. Бейн.

Более того, Й. Шумпетер, по праву считающийся родоначальником теории инноваций, в своей книге «Теория экономического развития», утверждал, что «конкуренция – это борьба старого с новым» [114].

Несколько позднее Фридрих фон Хайек констатировал, что «конкуренция – это процедура открытия» [109]. По мнению Хайека, в условиях неполной информации, свойственной рыночным отношениям, только конкуренция, с ее рыночным механизмом установления цен на товары, способна через ценовые сигналы указать фирмам путь к рыночному равновесию.

В XXI в. развитие теории конкурентных отношений получило новый импульс благодаря разработке модели «стратегии голубого океана» В. Чан Кима и Р. Моборна. Ее авторы считают, что в современных условиях компаниям нецелесообразно вести конкурентную борьбу на традиционных рынках сбыта своей продукции, характеризующихся ограниченными возможностями для роста и низким уровнем прибыли («алых океанах»). Вместо этого им следует сосредоточиться на создании, путем внедрения инноваций, абсолютно новых рыночных ниш и даже рынков, свободных от конкурентов («голубых океанов»)» [94].

Наиболее динамично концепция конкурентных отношений развивалась во второй половине XX в., когда были заложены основы современных теорий, в том числе:

- теории конкурентных преимуществ;
- теории знаниеёмкости и социализации конкурентных отношений;
- теории издержек конкурентных отношений;
- теории конкурентной эволюции;
- теории кластерных (региональных и отраслевых) конкурентных отношений.

Введение в предмет исследования теории конкурентных отношений понятия «конкурентных преимуществ», связано с именем М. Портера, которого справедливо называют основоположником теории конкурентных преимуществ [106].

Теории конкурентных преимуществ. «В соответствии с данной концепцией успех в конкурентных отношениях определяется выбором оптимальной конкурентной стратегии, в основе которой лежат конкурентные преимущества компании» [106].

Выбор конкурентной стратегии осуществляется в зависимости от ситуации в отрасли и имеющихся ресурсов. Структуру же отрасли, по мнению Портера, «формируют пять конкурентных сил: ...

- 1) угроза появления новых конкурентов;
- 2) угроза проявления товаров-заменителей;
- 3) способность поставщиков торговаться;
- 4) способность покупателей торговаться;
- 5) соперничество уже имеющихся конкурентов» [46].

Немаловажный вклад в развитие данной теории конкурентных отношений внесли Б. Вернерфельд, Р. Грант, С. Монтгомери, Г. Хамел, которые обосновали, что «источником конкурентных преимуществ становится комбинация внутренних уникальных и труднокопируемых ресурсов компании. Опережающее создание, развитие и использование комплекса внутренних ресурсов становится определяющим фактором конкурентоспособности компании в долгосрочной перспективе» [106].

К представителям теории конкурентных преимуществ следует отнести также взгляды М. Трейи и Ф. Вирсема, по мнению которых, «основные потенциальные конкурентные преимущества фирмы – это, прежде всего, уникальные ценности, что в свою очередь позволяет им предлагать конкурентные стратегии, производственное совершенство, лидерство по продукту и близость к потребителю» [106].

Уже в XXI в. в рамках теории конкурентных преимуществ на основе взаимодействия произошел переход от представлений о сотрудничестве хозяйствующих субъектов как одной из форм конкурентного взаимодействия, наряду с соперничеством, к выводу о взаимодействии на основе сотрудничества как приоритетном источнике конкурентных преимуществ в условиях глобализации. По мнению сторонников данной концепции П.А. Глура, Л. Линна, А. МакКормака и др., неконфликтные формы конкурент-

ных отношений дают возможность ее субъектам благодаря синергетическому эффекту получить наилучший результат в достижении их индивидуальных целей» [94].

Представителям эволюционного институционализма Р.Р. Нельсону и С. Дж. Уинтеру основными конкурентными преимуществами организации представляются «организационные рутины» – устойчивые образцы, стереотипы, шаблоны поведения, используемые в повседневной деятельности членами организации. Комбинация «организационных рутин», используемых в определенных условиях внешней среды, рассматривается данными учеными как стратегия организации. Следует также отметить вклад институционально-эволюционной школы в развитие инновационной концепции конкурентных отношений (именно инновационная деятельность фирм провозглашается основным фактором конкурентной эволюции) и структурного подхода к сущности конкурентных отношений (исследована взаимосвязь структуры рынка и научно-технического прогресса).

Стремясь исследовать новые рыночные реалии, прежде всего государственную поддержку и выраженный социальный характер конкуренции, многие ученые обратились к изучению взаимовлияния конкурентных отношений и различных аспектов общественной жизни. На основе такого рода работ в рамках современных теорий конкурентных отношений начал формироваться принципиально новый институциональный подход к сущности последней, сторонники которого рассматривают данный феномен как систему норм и правил (институтов), регулирующих взаимодействие конкурирующих фирм с внешней средой. Специфика конкурентных отношений как института состоит в том, что ей «присущи неспособность к самоорганизации и нестабильность, чем обусловлена необходимость государственного регулирования конкурентных отношений» [94].

Теории знаниеёмкости и социализации конкурентных отношений. У истоков нового представления о сущности конкурентных отношений стоит представитель Г.А. Саймон, доказавший, что «... в условиях неопределенности внешней среды и избытка

информации... конкурентные отношения приобретают «адаптивный и социальный характер» [106].

Представитель индустриального направления институционализма Д.К. Гэлбрэйт исследовал специфику конкурентных отношений в двух секторах экономики: крупных корпорациях и малом бизнесе. Для описания особенностей социальных отношений и мотивации деятельности в корпорациях вводит понятие «техноструктура – группа людей, которая обладает специальными знаниями, способностями или опытом группового принятия решения» [71].

Ученый пришел к мысли, что целью экономической деятельности крупных корпораций является не максимизация прибыли, а самосохранение, независимость от рыночных условий, упрочение и расширение власти их менеджмента. Кроме того, он делает вывод, что свободные конкурентные отношения в условиях функционирования крупных компаний, контролирующих цены, издержки и потребителей, невозможна. Поэтому государственное регулирование экономики должно быть направлено на разрешение противоречий между индустриальной и рыночной подсистемами национального хозяйства.

Следует отметить вклад в развитие теории конкурентных отношений представителя австрийской школы неоклассического направления экономической науки И.М. Кирцнера, исследовавшего социальную роль предпринимателя в развитии конкурентных отношений. По мнению ученого, именно предприниматели определяют уровень деловой активности и условия конкурентных отношений на существующих рынках, вызывают сдвиги в структуре цен, а также создают новые сферы предпринимательской деятельности. Основной же функцией конкурентных отношений Кирцнер считал выявление наилучшего предпринимательского решения [94].

Свою точку зрения высказывают авторы теории человеческого капитала Т. У. Шульц и Г.С. Беккер. Они полагают, что фундаментом успеха конкурентных отношений каждого рыночного субъекта – это высококвалифицированный персонал, то есть ка-

дры, в конечном счете, позволяют выиграть конкуренцию и поддерживать конкурентоспособность каждой фирмы. По мнению Г. Беккера, «инвестиции в специальное обучение работников способствуют росту производительности в конкретном бизнесе и позволяют компании получать дополнительную прибыль» [28].

По мнению разработчиков «теории управления знаниями» К. Виига, П.М. Сенге, И. Нонаки, Х. Такеучи и др., основным источником конкурентных преимуществ компании являются знания, а также система их движения и использования.

Аналогичной точки зрения придерживаются основоположники концепции ключевых компетенций Г. Хамел и К.К. Прахаланд, полагающие, что основой долгосрочных и безусловных конкурентных преимуществ компании являются ее ключевые компетенции в сфере производства и сбыта продукции, формирующиеся на основе информации, знаний, навыков, используемых технологий, взаимоотношений между структурными подразделениями и деловой репутации. Они считают, что конкурентная стратегия должна опираться на принцип» [165] «нестандартные решения против пошаговых изменений», «нелинейные инновации против линейных» [94].

Развитием концепции «знаниеёмкости и социализации конкурентных отношений стала модель «прорывных инноваций» К.М. Кристенсена, выделяющего поддерживающие выпускаемую продукцию и прорывные инновации, на основе которых создается принципиально новая продукция и технологии. Именно генерирование и внедрение прорывных инноваций, по мнению ученого, является основой успеха в конкурентной борьбе в современных условиях.

Теории издержек конкурентных отношений. Особый характер конкурентных отношений отмечали и представители неинституционализма О.Е. Уильямсон, Р.Г. Коуз, Д.К. Норт, М. Олсон и др., по мнению которых специфика взаимоотношений хозяйствующих субъектов определяется, прежде всего, размером транзакционных издержек – затрат на получение информации, проведение переговоров и заключение контрактов. Они пришли к выводу, что в рамках цивилизованных конкурентных

отношений интересы конкурирующих сторон удовлетворяются на взаимовыгодных условиях с минимальными транзакционными издержками, что способствует развитию экономики, направляя силы конкурентных отношений на благо общества» [94].

Основоположники теории *конкурентной эволюции* А.М. Бранденбургер и Б.Дж. Нейлбафф пришли к выводу, что в современных условиях конкуренция перестает отвечать сущности современных экономических отношений, когда все большее число хозяйствующих субъектов включается в процесс производства одного продукта, источником конкурентных преимуществ компании может быть вся производственно-сбытовая цепочка. Иногда компании рациональнее (быстрее, дешевле и выгоднее) выполнять часть операций (исследования и разработки, производство комплектующих и т. д.) в сотрудничестве с конкурентами. «Поэтому [164] эффективная стратегия должна сочетать конкуренцию и сотрудничество, то есть представлять собой соконкуренцию» [106].

«Модель «предпринимательских экосистем» Дж.Ф. Мура основывается на предположении, что для современной бизнес-среды, по аналогии с естественной (экологической) системой, характерны процессы не только конкуренции, но и эволюции («коэволюции»), превращающие ее в своеобразную «предпринимательскую экосистему». Поэтому стратегия развития компании должна быть направлена не на достижение победы в конкурентной борьбе, а на адаптацию к условиям совместной эволюции всех элементов «предпринимательской экосистемы» и сочетать элементы соперничества и сотрудничества с другими хозяйствующими субъектами, в том числе и с конкурентами.

Уже в XXI в. в рамках данной теории произошел переход от представлений о сотрудничестве хозяйствующих субъектов как одной из форм конкурентного взаимодействия, наряду с соперничеством, к выводу [166] «о взаимодействии на основе сотрудничества как приоритетном варианте конкурентных отношений в условиях глобализации. По мнению сторонников данной концепции П.А. Глура, Л.Линна, А. МакКормака и др., неконфликтные формы конкурентных отношений дают возможность ее

субъектам, благодаря синергетическому эффекту, получить наилучший результат в достижении их индивидуальных целей.

Аналогичная трактовка конкурентных отношений в начале XXI в. появилась и в работах сторонников поведенческого подхода к сущности данного феномена, которые стали рассматривать ее более широко – не только как экономическое соперничество хозяйствующих субъектов, но как их взаимодействие, конкретными формами которого могут быть единство, сотрудничество, сосуществование и противодействие.

Продолжается эволюция и других направлений теории конкурентных отношений. Так, в конце XX в. своеобразной альтернативой структурному подходу к сущности конкурентных отношений стала концепция квазиконкурентных рынков У. Дж. Баумоля, Дж. Панзара и Р. Виллинга, исследовавших взаимосвязь отраслевой структуры с возможностями входа и выхода из отрасли. Рассматривая рынки, не имеющие никаких барьеров входа-выхода, ученые пришли к выводу, что монопольная рыночная власть может сочетаться с высоким уровнем концентрации производителей, так как, повышая цены и получая монопольную прибыль, компания-монополист привлекает в отрасль множество конкурентов, способных быстро повысить объем предложения и тем самым снизить рыночную цену» [166].

Теории кластерных (региональных и отраслевых) конкурентных отношений. Существенный вклад в развитие институционального подхода к сущности конкурентных отношений внес один из основоположников теории организации промышленности Дж. Стиглер, который исследовал поведение предприятий на конкурентных и монополизированных рынках и пришел к выводу, что успех в конкурентной борьбе в значительной степени зависит от уровня интеграции в отрасли: на ранней и поздней стадиях развития отрасли необходима активная интеграция, тогда как на промежуточных она может быть незначительной. Ученый также сформулировал принципы выживаемости и минимального масштаба эффективности, содержащие важнейшие условия успешного функционирования и развития участников рыночных отношений [106].

1.3. Методологические аспекты оценки показателей конкуренции, развития конкурентных отношений и эффективности антимонопольной политики

Методологической основой исследования конкурентных отношений являются методологические принципы экономической теории, которые представляют собой «реализацию философских принципов применительно к специфическому объекту и предмету исследования» [120].

Методологические предпосылки экономических теорий конкуренции формируются под влиянием многоуровневой структуры методологического знания (философской, общенаучной, частно-научной) [54].

Данное исследование строится на методологических принципах единства и борьбы противоположностей, системности, развития.

Принцип единства и борьбы противоположностей, согласно которому конкурентные отношения в экономике отражают специфику соперничества рыночных субъектов в условиях трансформации, проявляется как противоречие между развитием данных отношений через разрешение проблем столкновения экономических интересов. «В мире нет таких явлений, которые бы находились вне процесса ... возникновения внутри всякой целостности противоположных моментов, их превращения друг в друга, вне противоречивых отношений между ними» [119].

Диалектическое противоречие конкурентных отношений заключается в движении к его разрешению внутренних и внешних противоположностей. С одной стороны, конкурентные отношения – это единое целое, которое включает и монопольные, и олигополистические, и совершенные конкурентные отношения. С другой стороны, разрешение противоречий антагонистических экономических интересов рыночных субъектов ведет к прогрессивному развитию конкурентных отношений.

Методологический принцип системности предполагает, что конкурентные отношения исследуются как системы, то есть сложнорегулируемые и постоянно развивающиеся экономические

отношения. В данной работе принцип системности применяется для исследования особенностей конкурентных отношений.

Принцип развития относительно конкурентных отношений означает, что всем экономическим отношениям присущи закономерные количественные и качественные изменения во времени. В данной монографии конкурентные отношения исследуются на определенных этапах развития, на каждом из которых рассматриваются их особенности с учетом исторической эволюции трансформации экономики.

Рассмотрим методы и показатели, с помощью которых можно оценить конкуренцию и развитие конкурентных отношений.

Поскольку сущность конкуренции заключается в рассредоточении экономической власти между товаропроизводителями, то «в соответствии с парадигмой «структура – поведение – результат», предложенной представителями гарвардской школы, показатели конкуренции можно разделить на три укрупненные группы:

- 1) показатели структуры;
- 2) показатели поведения;
- 3) показатели результата [89].

К последним (показателям результата) относят и индекс Лернера, который является показателем монопольной власти и отражает «соотношение цены и предельных издержек производства и реализации товара, работы, услуги...» [89].

«Индекс Лернера определяется формулой:

$$I_l = \frac{P_m - MC}{P_m} = \frac{1}{E_d},$$

где I_l – индекс монопольной власти Лернера;

P_m – монопольная цена;

MC – предельные издержки;

E_d – ценовая эластичность спроса.

При совершенной конкуренции цена равна предельным издержкам и индекс Лернера равен нулю. Когда цена превосходит предельные издержки, индекс приобретает положительное значение – в интервале между нулем и единицей. Считается, что, чем ближе индекс к единице, тем большей монопольной властью обладает фирма» [115].

В связи со сложностью определения предельных издержек их заменяют средними издержками:

$$I_l = \frac{P_m - AC}{P_m}.$$

«Если числитель и знаменатель умножить на Q, то в числителе будет находиться совокупная прибыль, а в знаменателе – совокупный доход» [133]

$$I_l = \frac{(P_m - AC)Q}{P_m} = \frac{\Pi}{TR}.$$

Таким образом, согласно индексу Лернера, высокая прибыль является «признаком монопольной власти» [167]. Однако к недостаткам данного показателя следует отнести то, что «сложность его использования заключается в необходимости изменения предельных издержек производства и реализации дополнительной единицы продукции» [89].

Другим показателем распределения «рыночной власти» между участниками рынка является индекс Херфиндаля-Хиршмана, который позволяет определить уровень концентрации на отраслевом рынке.

Для «расчета индекса» индивидуальные доли каждой фирмы на рынке в виде дроби необходимо возвести в квадрат. Индекс Херфиндаля-Хиршмана (I_{hh}) получается в результате сложения этих квадратов:

$$I_{HH} = S_1^2 + S_2^2 + \dots + S_n^2 = \sum_{l=1}^n S_l^2,$$

где S_1^2 – удельный вес самой крупной фирмы;

S_1^2 – удельный вес следующей по величине фирмы;

S_1^2 – удельный вес наименьшей фирмы» [132].

Данный показатель широко используется в практической деятельности антимонопольных организаций многих стран, в том числе и в Российской Федерации, и в Кыргызстане. Однако индекс Херфиндаля-Хиршмана характеризует концентрацию экономической власти конкурентов на отдельных отраслевых рынках. Поэтому «с учетом существующих недостатков у каждой группы

показателей конкурентные ведомства используют указанные показатели в совокупности. ФАС России при проведении анализа состояния конкуренции на товарном рынке в соответствии с положениями порядка проведения такого анализа использует следующие показатели концентрации:

- коэффициент рыночной концентрации (CR) – сумма долей на товарном рынке (выраженная в процентах) определенного числа крупнейших хозяйствующих субъектов, действующих на данном рынке;
- индекс рыночной концентрации Герфиндаля–Гиршмана (НИ) – сумма квадратов долей (выраженных в процентах) на товарном рынке всех хозяйствующих субъектов, действующих на данном рынке» [89].

В зарубежной практике приняты следующие степени концентрации рынка:

- рынки с высокой степенью концентрации ($НИ > 1800$, $CR3 > 80\%$);
- рынки с умеренной степенью концентрации ($1000 < НИ < 1800$, $45 < CR3 < 80\%$);
- рынки с низкой степенью концентрации ($НИ < 1000$, $CR3 < 45\%$).

Кроме того, в странах дальнего зарубежья применяют аналогичные показатели, позволяющие оценить эффективность конкуренции. Так, к примеру, в Великобритании «Комиссия по справедливой торговле Соединенного Королевства» при оценке эффектов государственного регулирования учитывает следующее:

- 1) факторы спроса и предложения (затраты, стимулы, издержки переключения, доступность информации);
- 2) конкурентное взаимодействие (концентрация, барьеры входа, соглашения между хозяйствующими субъектами);
- 3) результирующие показатели деятельности хозяйствующих субъектов (уровень цен, спецификация производства).

Инструментарий ОЭСР. Для оценки воздействия принимаемых государственных решений на конкуренцию Организацией экономического сотрудничества и развития был разработан специализированный инструментарий, рекомендованный к исполь-

зованию органами власти при оценке влияния на конкуренцию новых и уже действующих законодательных актов. Данный инструментарий учитывает следующие аспекты:

1) рыночную силу (после определения затрагиваемого рынка используются показатели количества фирм и концентрации производства);

2) барьеры для входа (естественные барьеры, барьеры, связанные с невозполнимыми издержками, барьеры, создаваемые действиями фирм-старожилов, барьеры регулирования);

3) вход новых фирм на рынок;

4) уход фирм с рынка;

5) инновацию и эффективность;

6) повышение затрат конкурентов (действия одной компании, влияющие на рост издержек ее конкурентов)» [89, 32].

Что касается методов оценки развития конкурентных отношений, то с определенной долей условности к ним можно отнести коэффициент перекрестной эластичности спроса, который применяют для количественной оценки взаимозависимости фирм на рынке. Так как конкурентные отношения могут быть взаимозависимыми и независимыми, то данный показатель позволяет их анализировать, однако в пределах отдельной отрасли на рынке.

«Коэффициент перекрестной эластичности спроса характеризует степень количественного изменения цены фирмы X при изменении объема выпуска фирмы Y на 1 %:

$$E_{xy} = \frac{\text{Процентное изменение объема спроса на товар } X}{\text{Процентное изменение цены на товар } Y} = \frac{\Delta Q_x}{\Delta P_y} * \frac{P_y}{Q_x}.$$

Чем выше объемная перекрестная эластичность спроса, тем более тесная взаимозависимость между фирмами на рынке. Если же она равна нулю, то отдельный производитель может игнорировать реакцию конкурентов на свои действия» [53].

Однако перечисленные выше показатели не раскрывают сущность конкурентных отношений и не характеризуют уровень развития конкурентных отношений в экономике той или иной страны в целом. На уровень развития конкурентных отношений, оказывают влияние многие факторы, но, прежде всего, институ-

циональные факторы (законодательство, коррупция и т. д.), в том числе институциональные барьеры, препятствующие развитию конкуренции в стране.

Существует ряд индексов, отражающих рейтинги стран мира по уровню институциональных барьеров, влияющих на развитие конкурентных отношений, самыми распространенными из которых являются Индекс экономической свободы, Индекс восприятия коррупции, ежегодно составляемый организацией «Transparency International», Индекс глобальной конкурентоспособности (результат опроса, проведенного в рамках данного индекса) (World Economic Forum), «Индекс качества государственного управления и т. д. Анализ их структуры позволяет отметить значимость государственного воздействия и, следовательно, роль институциональной среды на развитие конкуренции.

В каждом из перечисленных списков индикаторов присутствует такой индикатор, который прямо или косвенно оценивает качество работы институтов, а также особое место отводится эффективности государственной политики в создании условий для развития конкурентных отношений в стране. Выбор именно этих переменных не случаен и обусловлен необходимостью формирования такой институциональной среды развития бизнеса, которая благоприятствовала бы развитию конкуренции. Исследуем более детально каждый из перечисленных показателей с точки зрения возможности использования каждого из них для оценки эффективности конкурентных отношений в экономике в условиях трансформации экономики.

Индекс экономической свободы. «Индекс экономической свободы базируется на 12 компонентах (индексах), объединенных в 4 группы и измеряемых по шкале от 0 до 100, при этом показатель 100 соответствует максимальной свободе, а 0, соответственно, минимальной. Индекс экономической свободы включает следующие составляющие:

- защиту прав собственности;
- эффективность юридической системы;
- свободу от коррупции;
- фискальную свободу;

- финансовую свободу;
- монетарную свободу;
- расходы государства;
- свободу ведения бизнеса;
- свободу труда;
- свободу торговли;
- свободу инвестиций» [135].

«В результате страны делятся на пять категорий:

- «свободная экономика» (более 80 баллов из 100 возможных);
- «преимущественно свободная экономика» (70–79,9 балла);
- «умеренно свободная экономика» (60–69,9 балла);
- «преимущественно несвободная экономика» (50–59,9 балла);
- «несвободная экономика» (менее 50 баллов)» [84].

На основе данного индекса ежегодно, начиная с 1995 года, оценивают уровень свободы в экономике той или иной страны.

В 2021 году к странам со свободной экономикой относились:

1. Сингапур – 89,7.
2. Новая Зеландия – 83,9.
3. Австралия – 82,4.
4. Швейцария – 81,9.
5. Ирландия – 81,4.

К странам с несвободной экономикой, по оценке – относились 18 стран, в том числе Северная Корея (5,2), Куба (28,1), Иран (47,1), Туркменистан (47,4)

Согласно данным (см. приложения. Таблица 1), на первом месте среди стран СНГ – Казахстан (59-е место), затем Молдова (97-е место), Россия (98-е место), Беларусь (104-е место), Таджикистан (122-е место), Узбекистан (140-е место), Украина (147-е место), Туркменистан (164-е место).

Среди стран ЕАЭС последнее место в рейтинге занимает Россия (91-е место), первое – Армения (34-е место). Казахстан в свою очередь расположился на 39-й строчке рейтинга, а Беларусь – на 88-м месте. В 2020 году Кыргызстан поднялся в рейтинге на шесть строчек и занял 81-е место.

Добавим, что среди стран Центральной Азии Казахстан и Кыргызстан занимают лидирующие позиции. Узбекистан рас-

положился на 114-й строчке, Таджикистан на 155-й, Туркменистан на 170-й.

Кыргызская Республика (63,7) в 2021 г. занимает в рейтинге 78 место и относится к странам с «умеренно свободной экономикой».

Мы полагаем, что индекс экономической свободы, безусловно, отражает развитие конкурентных отношений в той или иной стране, поскольку само понятие «свободная конкуренция» предполагает и защиту прав собственности, и свободу торговли, и свободу бизнеса, и фискальную свободу, и свободу от коррупции.

Индекс восприятия коррупции. Влияние коррупции на развитие конкуренции исследовали многие ученые, которые пришли к неоднозначным выводам. Тем не менее, абсолютное большинство исследователей пришли к заключению, что «коррупция может способствовать сохранению позиций на рынке неэффективных, но представляющих для коррупционера интерес фирм... эмпирический анализ корреляции коррупции и конкуренции позволяет выделить двустороннюю причинно-следственную связь: неразвитая конкуренция приводит к росту коррупции, высокий уровень коррупции влечет за собой снижение уровня конкуренции» [63].

В целом, можно выделить три основных направления «влияния коррупции на конкуренцию: создание барьеров входа на рынки, создание дискриминационных условий и сговор на торгах в сфере госзакупок» [121].

Дать оценку уровня коррупции в каждой из 180 стран мира позволяет такой показатель, как индекс восприятия коррупции. «Индекс восприятия коррупции (ИВК) рассчитывается и публикуется ежегодно с 1995 года. Индекс составляется международной организацией Transparency International на основе данных опросов, проведенных среди экспертов и в деловых кругах. Опросы проводят независимые экспертные организации, которые занимаются анализом госуправления или бизнес-климата. Эксперты Transparency International оценивают методологию каждого источника информации, чтобы убедиться, что она соответствует стандартам качества. На основе этой информации страны мира ранжируются по шкале от 0 до 100 баллов. Ноль обозначает самый высокий уровень восприятия коррупции, а сто – наименьший.

До 2012 г. методология подсчета ИВК не предполагала сравнения нового показателя страны с предыдущими. Начиная с 2012 г., Transparency International обновила методику расчёта таким образом, что межгодовые сравнения стали возможны» [122].

В 2020 г., согласно данным организации «Transparency International», в 10 стран с наиболее высокими баллами включены:

1. Дания – 88.
2. Новая Зеландия – 88.
3. Финляндия – 85.
4. Сингапур – 85.
5. Швеция – 85.
6. Швейцария – 85.
7. Норвегия – 84.
8. Нидерланды – 82.
9. Германия – 80.
10. Люксембург – 80.

Кыргызстан (30) в 2020 г. занимает в рейтинге 126 место из 180 стран, что свидетельствует о высоком уровне коррупции в республике.

На наш взгляд, индекс восприятия коррупции также следует отнести к показателям, характеризующим развитие конкурентных отношений, так как коррупция, однозначно, взаимосвязана с конкуренцией и способна оказывать как позитивное, так и негативное влияние.

Индекс качества государственного управления. Данный индекс впервые стали рассчитывать в 1996 г. один раз в два года. С 2002 г. публикация данных по индексу качества государственного управления стала ежегодной. В методологии исследования используются шесть ключевых индикаторов, или индексов (Governance Indicators), отражающих в комплексе все основные параметры качества и эффективности государственного управления:

«Учёт мнения населения и подотчётность государственных органов» (Voice and Accountability) – индекс включает показатели, измеряющие различные аспекты политических процессов, гражданских свобод и политических прав. Показатели этой категории измеряют степень возможности участия граждан в выборе

правительства и других органов власти, степень независимости прессы, оценку уровня свободы слова, свободы объединений, других гражданских свобод» [38].

«Политическая стабильность и отсутствие насилия» (Political Stability and Absence of Violence) – индекс включает показатели, измеряющие стабильность государственных институтов, вероятность резких перемен, смену политического курса, дестабилизации и свержения правительства неконституционными методами или с применением насилия.

«Эффективность работы правительства» (Government Effectiveness) – индекс включает показатели, измеряющие качество государственных услуг, качество разработки и реализации внутренней государственной политики, уровень доверия к внутренней политике, проводимой правительством, качество функционирования государственного аппарата и работы государственных служащих, их компетенцию, степень их независимости от политического давления и так далее [168].

«Качество законодательства» (Regulatory Quality) – индекс включает показатели, измеряющие способность правительства формулировать и реализовывать рациональную политику и правовые акты, которые допускают развитие частного сектора и способствуют его развитию. С его помощью фиксируются меры, противоречащие принципам рыночной экономики, такие как неадекватный контроль уровня цен и банковской сферы, чрезмерное регулирование развития бизнеса, торговых отношений и так далее.

«Верховенство закона» (Rule of Law) – индекс включает показатели, измеряющие степень уверенности различных субъектов в установленных законодательных нормах, а также соблюдения ими этих норм, в частности, эффективность и предсказуемость законодательной системы, уровень преступности и отношение граждан к преступлению, отношение к исполнению контрактных обязательств, эффективность работы полиции, судов и так далее» [38].

«Сдерживание коррупции» (Control of Corruption) – индекс включает показатели, измеряющие восприятие коррупции в обществе (коррупция понимается как использование общественной

власти с целью извлечения частной выгоды), степень использования государственной власти в корыстных целях, существование коррупции на высоком политическом уровне, степень участия элит в коррупции, влияние коррупции на развитие экономики [38].

Любая страна по каждому из перечисленных выше шести индексов может определить «свой рейтинг, который указывает место страны среди всех стран в мире. Соответственно, чем ниже рейтинг по тому или иному показателю, тем хуже качество государственного управления» [168].

Недостатки данного индекса:

- перечисленные выше показатели рассчитываются на основе 400 переменных, данные поступают из множества различных источников, в том числе социологических опросов;
- общий итоговый рейтинг не составляется;
- данные по любой стране представлены в форме графиков и таблиц, однако по каждому из 6 индексов отдельно, что, на наш взгляд, существенно затрудняет применение данного показателя для характеристики развития конкурентных отношений.

Индекс глобальной конкурентоспособности. Доклад Всемирного экономического форума (ВЭФ) глобальной конкурентоспособности впервые был опубликован в 1979 г. Данный индекс один из самых авторитетных рейтингов мира. Индекс формируется из 119 показателей, из которых определяются 12 факторов конкурентоспособности. То есть, индекс глобальной конкурентоспособности оценивается двенадцатью показателями, «определяющими национальную конкурентоспособность»:

1. Качеством институтов.
2. Инфраструктурой.
3. Макроэкономической стабильностью.
4. Здоровьем и начальным образованием.
5. Высшим образованием и профессиональной подготовкой.
6. Эффективностью рынка товаров и услуг.
7. Эффективностью рынка труда.

8. Развитостью финансового рынка.
9. Уровнем технологического развития.
10. Размером внутреннего рынка.
11. Конкурентоспособностью компаний.
12. Инновационным потенциалом» [123].

Под конкурентоспособностью страны понимается «способность национальной экономики создавать и поддерживать среду, в которой возникает конкурентоспособный бизнес» [89].

Отметим, что «индекс конкурентоспособности» оценивает способность стран обеспечить высокий уровень благосостояния своих граждан. Что в первую очередь зависит от того, насколько эффективно страна использует ресурсы, которыми располагает. При этом для поддержания уровня жизни в условиях свободного рынка, как правило, необходимо постоянное повышение производительности труда и качества товаров» [124].

В 2020 г. в десятку самых конкурентоспособных стран мира вошли:

1. Соединенные Штаты Америки 85,6 (+1).
2. Сингапур 83,5 (+1).
3. Германия 82,8 (+2).
4. Швейцария 82,6 (-3).
5. Япония 82,5 (+4).
6. Нидерланды 82,4 (-2).
7. Hong Kong 82,3 (-1).
8. Великобритания 82 (-).
9. Швеция 81,7 (-2).
10. Дания 80,6 (+2) [136].

Между тем, не надо забывать, что «конкурентоспособность» и «конкурентные отношения» понятия нетождественные. Но тем не менее – это один из известных рейтингов, и самое главное, общий итоговый рейтинг составляется ежегодно.

Предлагается следующая градация уровня развития конкурентных отношений (таблица 2):

Таблица 2 – Градация развития конкурентных отношений¹

Индекс экономической свободы	Индекс восприятия коррупции	Индекс глобальной конкурентоспособности	Уровень развития конкурентных отношений
80–100	75–99	Свыше 75	Высокий
60–79	50–74	60–74	Умеренный
40–59	25–49	50–59	Невысокий
Менее 40	Менее 24	Менее 50	Низкий

Согласно данной градации, высокий уровень развития конкурентных отношений типичен для тех страны, где индекс экономической свободы не менее 80 баллов, индекс восприятия коррупции не менее 74, а индекс глобальной конкурентоспособности свыше 75 баллов. К странам с высоким уровнем развития конкурентных отношений можно отнести: Сингапур, США, Гонконг, Новая Зеландия, Австралия, Швейцария и т. д. Однако, как показывает международный опыт, таких стран в мире немного.

Умеренный уровень развития конкурентных отношений предполагает следующие показатели: индекс экономической свободы не менее 60 баллов, индекс восприятия коррупции не менее 50, а индекс глобальной конкурентоспособности свыше 60 баллов, что в целом неплохие показатели, которые говорят о том, что конкурентная среда в стране благоприятная для бизнеса. Таких стран в мире немало: Саудовская Аравия, Кувейт, Латвия, Мексика, Бахрейн, Венгрия, Болгария и другие.

Что касается невысокого уровня развития конкурентных отношений, то для данного уровня характерны следующие показатели: индекс экономической свободы варьирует от 40 до 59 баллов, индекс восприятия коррупции – 25–49, а индекс глобальной конкурентоспособности – не выше 50–59 баллов. К странам с невысоким уровнем развития конкурентных отношений можно отнести практически все страны СНГ, в том числе Кыргызстан.

¹ Составлено авторами монографии на основе данных международных источников.

Если же показатели развития конкурентных отношений соответствуют низкому уровню, то «ситуация весьма непростая, однако не является непоправимой и безнадежной. Поскольку как показывает мировой опыт многие страны мира впоследствии успешно становятся передовыми и процветающими, яркий пример, так называемые «четыре азиатских малых дракона»: Южная Корея, Сингапур, Гонконг и Тайвань, демонстрировавших очень высокие темпы экономического развития с начала 1960-х до финансового кризиса 1990-х годов» [40, 89].

Таким образом, разработка экономических категорий в концепции конкурентных отношений не являются сугубо теоретической задачей. Она имеет огромное практическое значение, прежде всего, для развития и совершенствования антимонопольной политики государства.

ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ КОНКУРЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

2.1. Этапы развития конкурентных отношений в Кыргызстане в условиях трансформации экономики

После распада СССР, Кыргызстан, как и многие республики бывшего СССР, оказался перед необходимостью перехода к рыночным отношениям, как к наиболее эффективным для достижения социально-экономического благосостояния во всех цивилизованных государствах.

Развал Советского Союза сопровождался болезненными процессами разрыва хозяйственных и торговых связей, что спровоцировало глубокий спад экономики практически во всех странах СНГ. Сейчас уже можно прямо говорить, что было совершено много ошибок, упущений, неудачных экспериментов.

Имевшие место до распада СССР государственное регулирование цен и госмонополизм, а также гигантомания, сопровождавшаяся высоким уровнем концентрации производства, серьезно осложнила становление конкурентных отношений в молодой Кыргызской Республике.

Необходимо было создать абсолютно новый орган, который мог бы осуществлять, с одной стороны, контроль за ценообразованием, с другой стороны, способствовать построению цивилизованного рынка, становлению зарождающегося предпринимательства и развитию добросовестной конкуренции.

Это стало реальностью благодаря созданию Государственного комитета Республики Кыргызстан по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства, который был образован Указом Президента Кыргызской Республики от 1 февраля 1991 г. № 79.

С образованием данного органа, по существу, и начинается первый этап развития конкурентных отношений в Кыргызстане. В этом же году Государственный комитет Республики Кыргызстан по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства был преобразован в Государственный антимонопольный

комитет Республики Кыргызстан (Указ Президента Кыргызской Республики от 20 августа 1991 г. № 258) [2].

Функционирование данного антимонопольного комитета осуществлялось без нормативно-правовой базы, только на основе минимального опыта. Образование Межгосударственного Совета по антимонопольной политике, накопление, изучение и применение опыта других стран в области ведения антимонопольной политики, начало формирования законодательной базы – таковы были первые шаги на пути демократизации рыночных отношений в республике.

Уже на следующий год Государственный антимонопольный комитет Республики Кыргызстан трансформируют в Государственный комитет Республики Кыргызстан по ценам и антимонопольной политике, что было осуществлено на основе Указа Президента Кыргызской Республики от 22 февраля 1992 г. № 751 [3].

Постановлением Правительства Кыргызской Республики от 23 августа 1994 г. № 639 Госкомитет по ценам и антимонопольной политике преобразован в Государственный Департамент по антимонопольной политике при Министерстве экономики и финансов Кыргызской Республики [4].

Роль и значение Государственного департамента по антимонопольной политике при Министерстве финансов Кыргызской Республики в проводимых реформах были по достоинству оценены приданием ему Указом Президента Кыргызской Республики от 01 октября 1998 г. № 294 статуса «Национальной комиссии по защите и развитию конкуренции при Президенте Кыргызской Республики» [6].

В конце 2000 г. Указом Президента Кыргызской Республики от 28 декабря 2000 г. № 363 «О реорганизации центральных органов государственного управления» Национальная комиссия по защите и развитию конкуренции при Президенте Кыргызской Республики преобразована в Государственную комиссию при Правительстве Кыргызской Республики по антимонопольной политике.

Как и в других государствах с переходной экономикой была начата массовая приватизация и разгосударствление предприятий. В этом процессе роль Государственного антимонопольного

комитета была весомой и значительной. Для дальнейшего развития конкуренции и ограничения монополистической деятельности в 1991 году был принят Закон Кыргызской Республики «Об общих началах разгосударствления, приватизации и предпринимательства в Республике Кыргызстан» [83].

Однако, на наш взгляд, формирование антимонопольного законодательства, по-настоящему берет начало с принятия Закона Кыргызской Республики от 15 апреля 1994 года № 1487-ХІІ «Об ограничении монополистической деятельности, развитии и защите конкуренции» [83, 33], в котором в наиболее концентрированном виде были определены основные задачи государственной конкурентной политики: содействие формированию рыночных отношений на основе развития конкуренции и предпринимательства; предупреждение, ограничение и пресечение монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции; государственный контроль соблюдения антимонопольного законодательства.

Что касается законодательных основ антимонопольной политики в Кыргызстане, то база была создана благодаря принятию Закона Кыргызской Республики «Об ограничении монополистической деятельности, развитии и защите конкуренции» [5], который был утвержден в апреле 1994 г.

Следует отметить, что существенным вкладом в развитие антимонопольного законодательства является Программа демонополизации экономики и развития конкуренции в Кыргызской Республике на 1994–1995 годы, которая была введена в действие постановлением Правительства Кыргызской Республики от 1 августа 1994 года. В ходе реализации данной программы был принят Закон Кыргызской Республики «О защите прав потребителей» [8]. Кроме того, были разработаны проекты Законов Кыргызской Республики «О бухгалтерском учете», «Об аудиторской деятельности».

В ходе реализации последовательной антимонопольной политики была разработана вторая Государственная Программа демонополизации экономики и развития конкуренции в Кыргызской Республике на 1997–1998 гг., которая стала очередным

шагом в направлении активизации антимонопольной деятельности. Основной задачей второй Программы являлось снижение уровня концентрации монополизированных товарных рынков, формирование и поддержание добросовестной конкуренции. За эти годы был завершён очередной этап демонополизации стратегически важных для экономики республики 47-ми крупных предприятий и объединений, охватывающих все отрасли национальной экономики. Работа по демонополизации и реструктуризации национальной экономики позволила адаптировать крупные государственные предприятия к изменениям конъюнктуры рынка. И основным «достижением преобразования государственной собственности стало формирование негосударственного сектора, ставшего реальной базой для развития рыночных отношений в экономике, изменение стереотипов экономического поведения хозяйствующих субъектов вследствие значительного сокращения сферы государственной монополии и прямого государственного управления хозяйственной деятельностью предприятий» [82].

В ходе приватизации основная часть предприятий изменила форму собственности, однако, некоторая часть сохранила высокий уровень монополизации и концентрации производства, несовершенную структуру. В результате процессов акционирования и приватизации на предприятиях появился современный менеджмент, способный осуществлять активную политику выживания и завоевания своего места на рынке.

Выполнение данной Программы способствовало значительному оживлению хозяйственного оборота в отдельных секторах экономики, формированию экономических основ развития конкуренции.

Началом второго этапа развития конкурентных отношений в Кыргызской Республике, по праву, можно считать дату принятия Закона Кыргызской Республики «О естественных и разрешённых монополиях в Кыргызской Республике» [9], что позволило существенно расширить правовую базу для эффективной реализации государственной конкурентной политики, обеспечивающей хозяйствующим субъектам и населению защиту от неправомерных действий со стороны предприятий-монополистов. Сегодня этот

Закон является основным нормативным правовым документом, регламентирующим отношения, возникающие в сфере деятельности естественных и разрешенных монополий [10; 11; 12].

Для приведения антимонопольного законодательства в соответствие с аналогичными законодательствами стран Содружества и других государств был разработан проект Закона Кыргызской Республики «О конкуренции» [14].

Одним из направлений деятельности антимонопольного органа стала поддержка предпринимательства, как важнейшее условие формирования новых экономических структур, создания свободной предпринимательской среды. Однако развитие предпринимательства в республике сдерживается чрезмерным вмешательством государственных органов в деятельность этих субъектов. Усложненные разрешительная и лицензионная системы, отдельные факты неправомерных действия органов исполнительной власти и местного самоуправления стали камнем преткновения для дальнейшего развития предпринимательства в республике.

В течение 2011 г. Государственная комиссия при Правительстве Кыргызской Республики по антимонопольной политике подготовила Закон Кыргызской Республики «О конкуренции», который был в дальнейшем принят Правительством, а также осуществила редакцию Закона Кыргызской Республики «О естественных и разрешенных монополиях в Кыргызской Республике». Кроме того, были внесены существенные изменения в Кодекс Кыргызской Республики «Об административной ответственности», который предполагают усиление административной ответственности за нарушение норм антимонопольного законодательства.

Также внесены изменения в части уточнения функций антимонопольного регулирования в Законы Кыргызской Республики «Об энергетике», «Об электрической и почтовой связи», «О почтовой связи» и принят ряд подзаконных нормативных правовых актов.

Указанные законы были разработаны с учетом применения на практике норм антимонопольного регулирования, заложенных в Законе Кыргызской Республики «Об ограничении монополистической деятельности, развитии и защите конкуренции», приня-

том еще в 1994 году, и Законе Кыргызской Республики «О естественных и разрешенных монополиях в Кыргызской Республике», принятом в 1999 году [9], а также опыта антимонопольных органов стран СНГ в рамках сотрудничества с Межгосударственным советом по антимонопольной политике (МСАП).

Перечисленные выше нормативно-правовые документы судьбоносно снизили административное давление на бизнес, кроме того был значительно расширен понятийно-категориальный аппарат антимонопольной политики государства. К примеру, были введены следующие понятия:

1) систематическое осуществление монополистической деятельности хозяйствующим субъектом монополистической деятельности, выявленное в установленном законодательством Кыргызской Республики порядке более двух раз в течение одного года;

2) экономическая концентрация – сделки, иные действия хозяйствующего субъекта, осуществление которых оказывает влияние на состояние конкуренции.

Однако в данном Законе «О конкуренции» [14] не прописана процедура рассмотрения дел о нарушениях антимонопольного законодательства, не определен перечень лиц, участвующих в рассмотрении дел о нарушении антимонопольного законодательства, иных участников процесса, их права и обязанности, а также порядок обжалования в суде актов антимонопольного органа, принятых по результатам рассмотрения дел.

Избирательное предоставление льгот и преимуществ отдельным хозяйствующим субъектам органами государственной власти и местного самоуправления является одной из основных угроз конкуренции. Закон содержит принципиально новый подход к контролю предоставления органами государственной власти и местного самоуправления льгот и преимуществ отдельным хозяйствующим субъектам.

Между тем, в новом законе уточняется понятийный аппарат антимонопольного законодательства. В частности, вводится понятие антиконкурентные соглашения, что позволит доказывать в суде факт осуществления антиконкурентных соглашений хо-

зяйствующими субъектами при осуществлении ценового параллелизма, а также раздела рынка по территориальному принципу. Одним из основных нововведений является понятие «группа лиц» на отдельных товарных рынках, а также уточнены критерии отнесения хозяйствующих субъектов к определенной группе.

Кроме того, с принятием указанных законопроектов работа антимонопольного органа Кыргызской Республики существенно изменилась и активизировалась в части создания условий для развития конкурентных отношений не только через государственное регулирование деятельности субъектов естественных и разрешенных монополий, но и через ограничение, пресечение монополистической деятельности, недобросовестной конкуренции и антиконкурентных соглашений и действий отдельных хозяйствующих субъектов и/или группы лиц, в том числе и на конкурентных рынках.

Третий этап развития конкурентных отношений. Как констатируют официальные источники антимонопольного регулирования в Кыргызской Республике, к 2014 году в Кыргызской Республике была сформирована современная правовая и организационная основа защиты и развития конкуренции, позволяющая регулировать отношения, сложившиеся на рынках республики в сфере естественных и разрешенных монополий, защиты прав потребителей, регулирования государственных платных услуг, оказываемых государственными органами.

Эффективность антимонопольного регулирования зависит, с одной стороны, от качества правовой среды, определяющей степень результативности антимонопольного органа, с другой стороны, от результативности экономических мер, стимулирующих развитие рынков.

Действующие законы в сфере антимонопольного регулирования были разработаны с учетом применения на практике норм антимонопольного регулирования, заложенных в Законе Кыргызской Республики «Об ограничении монополистической деятельности, развитии и защите конкуренции», принятом еще в 1994 году, и Законе Кыргызской Республики «О естественных и разрешенных монополиях в Кыргызской Республике» [9], принятом

в 1999 году, а также опыта антимонопольных органов стран СНГ в рамках сотрудничества с Межгосударственным советом по антимонопольной политике (МСАП).

С принятием указанных законопроектов работа антимонопольного органа Кыргызской Республики существенно изменилась и активизировалась в части создания условий для развития конкурентных отношений не только через государственное регулирование деятельности субъектов естественных и разрешенных монополий, но и через ограничение, пресечение монополистической деятельности, недобросовестной конкуренции и антиконкурентных соглашений и действий отдельных хозяйствующих субъектов и/или группы лиц, в том числе и на конкурентных рынках [143].

Антимонопольный орган получил право:

- Рассматривать антиконкурентные соглашения (согласованные действия) у всех хозяйствующих субъектов, а не как было ранее – только у субъектов, занимающих доминирующее положение.
- Рассматривать доминирующее положение хозяйствующего субъекта по 6 позициям, в том числе, и через совокупное доминирование, рыночную силу субъекта, а не как было ранее – только 35 % или предельную величину, установленную антимонопольным органом.
- Осуществлять контроль за антимонопольными требованиями, предъявляемыми к государственным закупкам, за актами и действиями государственных органов, ограничивающих конкуренцию.

При этом был существенно сокращен государственный контроль за процессами экономической концентрации хозяйствующих субъектов, за исключением сделок с акциями.

В отношении регулирования деятельности субъектов естественных и разрешенных монополий, также были введены новые нормы, в основном, ограничительного характера их деятельности. То есть, это требования по обязательному согласованию с антимонопольным органом учетной политики, проведения переоценки основных средств, форм контрактов

на поставку (приобретение) товаров (работ и услуг) субъекта естественной и разрешенной монополий и методики ведения раздельного учета доходов, затрат и задействованных активов по видам регулируемых товаров (работ, услуг), бизнес-планов и осуществления контроля закупок субъектов естественных и разрешенных монополий [137]

На современном этапе развития экономики Кыргызской Республики конкурентные отношения на рынках развиваются в большинстве отраслей благодаря целенаправленной государственной политике, в результате проведения которой в нашей республике сложилась многоукладная экономика с преимущественным весом частного сектора, то есть, произошло изменение структуры товарных рынков в направлении развития конкуренции [135].

Таким образом, автор предлагает выделить следующие этапы развития конкурентных отношений в Кыргызской Республике:

I этап – (1991–1998 гг.);

II этап – (1999–2013 гг.);

III этап – (2014 – по настоящее время...).

I – этап зарождения конкурентных отношений.

Годы первого этапа развития конкурентных отношений в Кыргызской Республике – это время первого опыта создания первичной нормативной базы, привлечения кадров в органы антимонопольного контроля и первого опыта в сфере антимонопольного регулирования.

II – этап формирования институциональных основ развития конкурентных отношений в Кыргызской Республике (1999–2013 гг.).

Формирование институциональных основ развития конкурентных отношений предполагает принятие Правительством Кыргызской Республики комплекса Законов и юридических актов, направленных на создание конкурентной среды на рынках республики, ограничение раскручивания крупных монополий и процветание недобросовестной конкуренции. Институциональные основы развития конкурентных отношений

можно представить в виде пирамиды, отражающей структуру законодательства о конкуренции (рисунок 2).

Рисунок 2 – Структура законодательства о конкуренции в Кыргызстане [83] по состоянию на декабрь 2013 г.

Данные Законы и юридические акты легли в основу антимонопольного регулирования в Кыргызской Республике в период 2011–2013 гг.

III – этап совершенствования конкурентных отношений (2014 – по настоящее время...).

Задачи антимонопольного органа в настоящий момент слишком широки и разнообразны по своей природе: никакой отдельный орган не в состоянии уделять достаточное внимание контролю, обеспечению соблюдения законодательства, информационно-образовательной работе с населением и разработке политики по каждому из этих направлений работы. Различные задачи требуют различных видов анализа и различных источников информации, требуют сотрудничества с различными группами государственных органов, фирм и граждан.

Для полноценного исполнения своих функций, в целях развития конкуренции, недопущения монополизации рынка и недобросовестной конкуренции, антимонопольному органу

необходимо иметь независимый статус, широкие полномочия и рычаги воздействия на рынки и на решения государственных органов.

В настоящее время правила Всемирной Торговой Организации запрещают применение импортных квот, за исключением особо оговоренных случаев. Негативными последствиями применения импортных квот являются: ограничение импорта, возникновение товарного дефицита, и, как следствие, повышение цен на рынке, особенно, когда конкурирующая отечественная отрасль не способна самостоятельно удовлетворить имеющийся спрос.

Однако очень часто Правительством Кыргызской Республики не принимаются указанные решения. В таких случаях антимонопольный орган по требованию антимонопольного законодательства должен выдать предписание Правительству КР по отмене подобных решений, с целью восстановить равные условия работы для всех операторов на рынке. Орган, который находится в структуре Правительства, соответственно не может (ввиду подчиненности) выдавать для исполнения предписание в соответствии с антимонопольным законодательством.

Внешнеэкономическая деятельность является одним из важных факторов, оказывающих влияние на состояние конкурентной среды на внутреннем рынке республики. Важным рычагом защиты отечественных товаропроизводителей от большого объема импорта является экономически обоснованное изменение ставок ввозных-вывозных таможенных пошлин с учетом состояния конкурентной среды на товарных рынках. Однако антимонопольный орган не привлекается к этой работе, наверное, из-за статуса. В результате при принятии таможенных пошлин больше соблюдаются интересы монополистов, чем простых предпринимателей.

Особое место или наличие административных барьеров в виде создания исключительных условий для отдельных хозяйствующих субъектов и ограничение конкуренции занимают решения органов государственной власти или органов местного самоуправления, которые принимаются в целях создания поддержки отдельных субъектов предпринимательства,

при этом создавая неравные условия для развития предпринимательской деятельности. Указанные действия и решения запрещены действующими законами и признаются антиконкурентными действиями, если они ограничивают самостоятельность хозяйствующих субъектов, или создают дискриминационные (исключительные) условия деятельности отдельных хозяйствующих субъектов, и ущемляют интересы хозяйствующих субъектов.

В исходных условиях такая практика, несмотря на усилия антимонопольного органа, все еще имеет широкое применение, особенно на уровне муниципальных образований. Введение органами государственной власти и местного самоуправления дополнительных ограничений (например, требований лицензирования отдельных видов деятельности, дополнительных условий на аренду земель и пр.) и селективное применение этих ограничений ведет к получению отдельными хозяйствующими субъектами неоправданных конкурентных преимуществ.

Запрещение органам государственной власти принимать акты и совершать действия, направленные на ограничение конкуренции, включено в антимонопольное законодательство практически всех развитых стран. Имеют место случаи, когда отраслевые государственные органы с целью развития регулируемых отраслей, не прогнозируют возможное ограничение конкуренции издаваемыми ими актами, тем самым, ограничивая конкуренцию в регулируемых отраслях.

Таким образом, «состояние конкуренции в экономике выступает наиболее точным показателем успешности рыночных преобразований. Для экономики Кыргызстана характерен путь искусственного становления института конкуренции, институциональная среда формировалась в условиях отсутствия конкурентных рынков и отношений в экономике страны. Важнейшими причинами слабого развития конкуренции на внутренних рынках являются: наличие чрезмерного нерыночного или монопольного сектора экономики, а также многочисленные барьеры со стороны органов власти и местного самоуправления, иных хозяйствующих субъектов, обладающих рыночной властью» [53].

2.2. Особенности конкурентной среды и конкурентных отношений на современном этапе в Кыргызской Республике

На современном этапе развития экономики Кыргызстана конкурентные отношения на рынках динамично развиваются в большинстве отраслей благодаря целенаправленной антимонопольной политике, которая позволила избавиться от государственного монополизма, диктата цен, высокой степени концентрации производства, характерных для 80–90-х гг. Кроме того, произошли благоприятные изменения структуры товарных рынков в направлении развития конкурентных отношений.

Конкурентная среда в экономике Кыргызстана представлена многообразными рыночными структурами:

- монопольными (естественными, искусственными);
- олигопольными;
- монополистической конкуренцией.

Законом Кыргызской Республики «О естественных монополиях в Кыргызской Республике» [7] сферами естественных монополий признаются:

- 1) «транспортировка нефти и нефтепродуктов по магистральным трубопроводам;
- 2) транспортировка, распределение, хранение и продажа природного газа;
- 3) производство, распределение, продажа, передача электрической и тепловой энергии;
- 4) услуги по оперативно-диспетчерскому управлению национальной энергосистемы;
- 5) централизованное водоснабжение и водоотведение;
- 6) услуги электросвязи и почтовой связи общего пользования;
- 7) железнодорожные перевозки;
- 8) аэронавигационное обеспечение полетов;
- 9) наземное обслуживание внутренних воздушных перевозок».

По состоянию на 1 ноября 2020 г. в Кыргызстане зарегистрировано 77 субъектов, которые относят к естественным монополиям.

Нефтепродукты. На сегодняшний день по республике функционируют около 650 автозаправочных станций (АЗС), из них более 300 АЗС принадлежат крупным нефтетрейдерам – ОсОО «Альфа Ойл», ОсОО «Партнер нефть», ОсОО «Газпром нефть Азия», ОсОО «Шнос», Роснефть, Кыргызмунай и др.

Годовая потребность Кыргызской Республики в нефтепродуктах около 1,2 млн тонн, из них около 20 % обеспечивается за счет местных нефтеперерабатывающих заводов, остальные объемы импортируются из России.

Крупным импортером на рынке бензина и дизельного топлива является ОсОО «Газпром нефть Азия», рыночная доля субъекта составляет свыше 35 %.

В «Государственный реестр хозяйствующих субъектов», занимающих доминирующее положение на рынках Кыргызской Республики [19], включены ОсОО «Газпром нефть Азия» и ОсОО ЧПК НПЗ «Джунда» по реализации бензина, дизельного топлива и сжиженного углеводородного газа.

Электроэнергетика. В структуре электроэнергетики доминируют 6 крупных акционерных обществ:

- ОАО «Электрические станции» (выработка электрической энергии);
- ОАО «Национальные электрические сети Кыргызстана» (передача электроэнергии (ЛЭП высокого напряжения));
- ОАО «Северэлектро»;
- ОАО «Востокэлектро»;
- ОАО «Ошэлектро»;
- ОАО «Жалалабатэлектро».

Помимо указанных хозяйствующих субъектов на рынке электроэнергии осуществляют свою деятельность и другие, более мелкие компании, такие как ОАО «Чакан ГЭСК» – выработка электроэнергии и мелкие распределительные компании, занимающиеся сбытом электроэнергии. Распределительные сбытовые компании обладают максимальной самостоятельностью в энерго-

снабжении потребителей своих регионов и возможностью доступа к магистральным сетям ОАО «НЭСК».

Теплоэнергетика. Теплоэнергетика республики представлена хозяйствующими субъектами, занимающимися только выработкой теплоэнергии (как ТЭЦ г. Бишкек); распределением покупной теплоэнергии (ОАО «Бишкектеплосеть»), но и одновременной выработкой и распределением теплоэнергии (ТЭЦ г. Ош, ТЭЦ г. Кызыл-Кия); хозяйствующими субъектами, которые объединяют под своим началом множество котельных местного значения, как ГП «Бишкектепэнерго», ГП «Кыргызжилкоммунсоюз», а также несколькими самостоятельными котельными местного значения.

Таким образом, для энергетического комплекса Кыргызстана типичны значительная степень концентрации рынков, наличие естественных монополий и полное отсутствие альтернативы для потребителей электро- и теплоэнергии.

Аэронавигационное обеспечение полетов. Аэронавигационное обеспечение полетов, безусловно, невозможно без наличия естественной монополии, поскольку в противном случае нельзя гарантировать безопасность воздушных полетов. **Принципы совершенной конкуренции** в сфере аэронавигационного обеспечения полетов и наземного обслуживания внутренних воздушных перевозок абсолютно неприемлемы, поскольку это не только нецелесообразно, с экономической точки зрения, но опасно с точки зрения безопасности для жизни пассажиров. Поэтому в этом секторе экономики имеется единственный субъект естественной монополии – государственное предприятие «Кыргызаэронавигация».

Деятельность ОАО «Международный аэропорт «Манас» относится к сфере временно непреодолимого монополизма, поскольку для строительства новых аэропортов необходимы значительные капитальные вложения. Функции регулирования их деятельности должны осуществляться соответствующими государственными органами. Однако в настоящее время часть услуг, прямо не относящихся к наземному обслуживанию, передается многочисленным аффилированным компаниям (топливозаправка, автомобильная парковка, бортовое питание, дьюти фри и т. п.).

Сферу авиаперевозок нельзя назвать сферой с развитыми конкурентными отношениями. В настоящее время рынок авиационных перевозок пассажиров по внутриреспубликанским линиям «состоит из 4 авиационных направлений (таблица 3):

- Бишкек – Ош – Бишкек;
- Бишкек – Джалал-Абад – Бишкек;
- Бишкек – Баткен – Бишкек;
- Бишкек – Исфана – Бишкек».

Также есть сезонное авиационное направление:

- Бишкек – Тамчы – Бишкек.
- Ош – Тамчы – Бишкек.

Внутриреспубликанские авиаперевозки пассажиров осуществляют 3 авиакомпании: ОсОО «Авиакомпания «Авиа Трафик Компани», Авиакомпания «Tez Jet» и ОсОО «Эйр Манас» (таблица 4).

Таблица 3 – Количество перевезенных пассажиров в разрезе направлений

Направления	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Бишкек – Ош – Бишкек	493 875	568 703	437 550
Бишкек – Джалал-Абад – Бишкек	14 498	15 093	22 462
Бишкек – Баткен – Бишкек	21 992	24 656	24 109
Бишкек – Исфана – Бишкек	5 639	3 051	

Динамика прошлых лет показывает, что по маршруту Бишкек – Ош – Бишкек количество перевезенных пассажиров увеличивается начиная с 2014 г. и остается стабильным. На повышение количества пассажиров, возможно, повлияло увеличение экономической активности населения.

В 2017 г. наблюдался резкий рост количества перевезенных пассажиров по маршруту Бишкек – Джалал-Абад – Бишкек. Если в 2016 г. количество перевезенных пассажиров достигало 5788 человек, а по итогам 2019 г. количество перевезенных пассажи-

ров достигло 22 462 человек, то в 2017 г. количество пассажиров увеличилось в 2,5 раза или на 8 710 человек по сравнению с 2016 годом. Динамика имеет тенденцию к повышению. Рейсы по этому маршруту осуществляют две авиакомпании – это «Авиа Трафик Компани» и «Тез Джет».

По маршруту Бишкек – Баткен – Бишкек количество перевезенных пассажиров стабильное, резкое изменение количества пассажиров не наблюдается.

В 2019 г. перевозки по маршруту Бишкек – Исфана – Бишкек не осуществлялись. Количество перевезенных пассажиров в 2018 году снизилось на 2 588 пассажиров и составило 3 051 пассажир. Рейс в этом направлении, осуществляет только авиакомпания «Тез Джет».

Одной из причин изменения количества перевезенных пассажиров является то, что жители регионов предпочитают более доступный транспорт – автомобильный транспорт (автобусы, такси и т. д.), поскольку не в состоянии приобретать билеты на внутренние авиарейсы.

Таблица 4 – Количество перевезенных пассажиров по внутренним маршрутам [125]

Авиакомпания	Всего пассажиров			В % к 2017 г.	В % к 2018 г.
	2017 г.	2018 г.	2019 г.		
Эйр Манас	377 186	297 608	264 929	78,9	89,0
Тез Джет	158 818	313 804	219 194	197,5	69,8

В 2018 г. наблюдалось снижение пассажирских перевозок у авиакомпании «Эйр Манас», по сравнению с 2017 г. на 79 578 пассажиров, в 2019 году количество перевезенных пассажиров составило 264 929 человек, что меньше на 32 679 пассажиров по сравнению с 2018 г. А вот у авиакомпании «Тез Джет» наблюдается стабильный рост количества пассажирских перевозок (таблица 5).

Таблица 5 – Доли авиакомпаний в общем объеме перевезенных пассажиров по внутренним авиалиниям [125]

Авиакомпания	2017 г.		2018 г.		2019 г.	
	Количество пассажиров	Доля от общего количества, %	Количество пассажиров	Доля от общего количества, %	Количество пассажиров	Доля от общего количества, %
Эйр Манас	377 186	70,3	297 608	48,7	264 929	54,7
Тез Джет	158 818	29,7	313 804	51,3	219 194	45,3
Итого:	536 004	100	611 412	100	484 123	100

Более 70 % перевезенных пассажиров в 2017 г. приходилось на авиакомпанию «Эйр Манас», остальная часть рынка занята авиакомпанией «Тез Джет» (29,7 %).

Указанные доли авиакомпаний от общего количества перевезенных пассажиров являются недостоверными (не точными), поскольку каждый маршрут (авиарейсы) необходимо рассматривать отдельно (по территориальному принципу), то есть пассажир может добраться до назначенного пункта по единственному маршруту. В 2019 г., по сравнению с предыдущим годом, количество перевезенных пассажиров снизилось на 127 289 человек. Рост количества перевезенных пассажиров отмечается у авиакомпании «Тез Джет» (рисунок 3).

Что касается цен на авиабилеты, то с внесением изменений в Закон Кыргызской Республики «О естественных и разрешенных монополиях в Кыргызской Республике» цены устанавливаются авиакомпаниями самостоятельно без вмешательства антимонопольного органа.

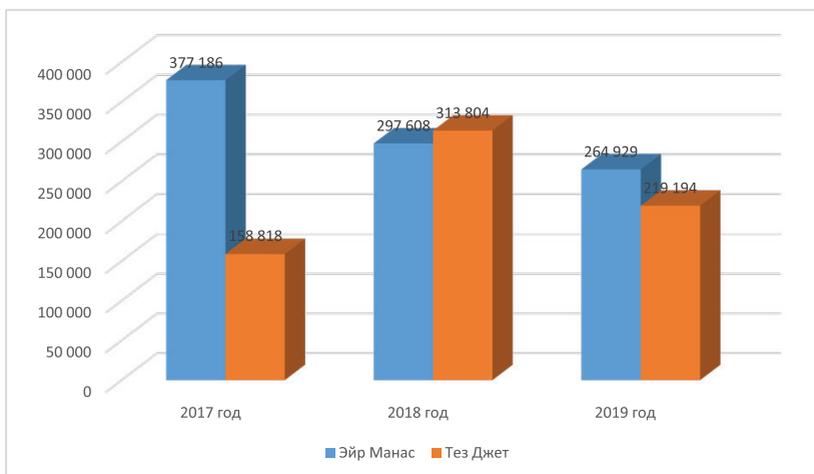

Рисунок 3 – Количество перевезенных пассажиров по внутренним авиалиниям за 2017–2019 гг. [125]

Кроме того, была дана «оценка состояния конкурентной среды»: использовались коэффициент рыночной концентрации, рассчитываемый для крупнейших хозяйствующих субъектов (субъектов рынка), действующих на рынке, и индекс рыночной концентрации Херфиндаля-Хиршмана (таблица 6).

Коэффициент рыночной концентрации (CR) рассчитывается как сумма долей крупнейших поставщиков на исследуемом товарном рынке.

Индекс рыночной концентрации Херфиндаля-Хиршмана (НИ) рассчитывается как сумма квадратов долей, занимаемых на рынке всеми действующими на нем поставщиками.

Следует отметить, что показатели рыночной концентрации дают возможность сделать оценку степени монополизации рынка, то есть чем больше поставщиков услуг действует на рынке, тем меньше значение соответствующих показателей.

Таблица 6 – Расчеты коэффициента и индекса рыночной концентрации

Коэффициент	2017 г.	2018 г.	Область значений
Коэффициент рыночной концентрации	CR-4=89,2	CR-4=99,2	70%<CR<100%
Коэффициент Херфиндаля-Хиршмана	HHI=2402	HHI=3945	2000<HHI<10000

Таким образом, уровень концентрации на рынке авиаперевозки пассажиров по маршруту Бишкек – Ош – Бишкек является высокой, что характеризует рассматриваемый рынок как рынок с присутствием субъекта, занимающего доминирующее положение [55].

С 2015 года по маршруту Бишкек – Баткен – Бишкек пассажирские авиаперевозки осуществляет только авиакомпания «Тез Джет».

На рынке перевозки пассажиров по маршруту Бишкек – Исфана – Бишкек присутствует только одна авиакомпания, занимающая 100 %-ную долю, – это «Авиа Траффик Компани».

Принимая во внимание, что по каждому маршруту пассажирские авиаперевозки осуществляют только одна компания, можно с уверенностью сказать, что у пассажиров отсутствует возможность выбора других авиаперевозчиков на маршрутах Бишкек – Джалал-Абад – Бишкек, Бишкек – Баткен – Бишкек и Бишкек – Исфана – Бишкек.

Качественные показатели рынка

Барьерами входа на рынок для хозяйствующих субъектов являются административные ограничения, связанные с выдачей специальных разрешений (лицензий) и сертификатов:

- сертификация и выдача свидетельств авиационному персоналу;
- сертификация эксплуатантов воздушных судов;

- сертификация гражданских воздушных судов и авиационных изделий;
- сертификация гражданских аэродромов и аэродромов совместного базирования Кыргызской Республики;
- сертификация и/или лицензирование деятельности в области гражданской авиации, связанной с обслуживанием полетов, техническим обслуживанием, ремонтом, разработкой или изготовлением воздушных судов или других авиационных изделий, подготовкой авиационного персонала, а также предоставлением других услуг, сертификация или лицензирование которых необходимы в интересах безопасности, регулярности и эффективности гражданской авиации в Кыргызской Республике;
- выдача лицензий на пассажирские и грузовые перевозки воздушным транспортом, на все виды авиационных спецработ, прием и выпуск воздушных судов гражданской авиации, осуществляемые на территории Кыргызской Республики.

Кроме этого, присутствуют барьеры, основанные на ценовом и имущественном неравенстве стартовых условий новых хозяйствующих субъектов с уже действующими авиакомпаниями, таких как используемые типы воздушных судов (местимость пассажиров, расход авиакеросина), расписание полетов (рейсов), уровень тарифов, а также маркетинговая стратегия авиакомпаний (специальные тарифы для возрастных категорий, предварительное бронирование билетов и т. д.).

Вместе с тем стоит отметить, что Правительством Кыргызской Республики принята Программа по развитию гражданской авиации Кыргызской Республики на 2016–2020 гг. и утверждена постановлением Правительства Кыргызской Республики от 17 марта 2016 года № 131, где определены цель, приоритетные направления, задачи и меры. Основной целью Программы является достижение к концу 2020 г. повышения уровня безопасности полетов, а также увеличение объемов авиаперевозок в два раза, как на внутренних, так и на международных направлениях [26].

Железнодорожные перевозки. Естественной монополией являются железнодорожные перевозки, осуществляемые

ГП «НК «Кыргыз темир жолу». Учитывая необходимость эффективного функционирования для ГП НК «Кыргыз темир жолу», установлен ценовой метод регулирования на перевозки грузов во внутриреспубликанском сообщении. При этом, отменен применяемый коэффициент для перевозки грузов во внутриреспубликанском сообщении [26].

Услуги связи. На рынке услуг связи в последние годы наблюдается значительный количественный рост услуг связи, и сами услуги становятся разнообразнее, но все еще сохраняются монопольные структуры в отдельных сегментах рынка: услуги местной связи ОАО «Кыргызтелеком», почтовые услуги и т. д.

Активное развитие получил рынок мобильной связи. Рост абонентов наблюдается, в основном, за счет развития услуг сотовой связи, где радикально снизились цены на мобильные аппараты и тарифы на эфирное время, увеличилась территория покрытия, предоставляется удобная система сервиса и технического обслуживания. Увеличивается набор и качество предоставляемых услуг, число которых продолжает возрастать по сравнению с количеством абонентов местной телефонной связи. Предоставление услуг местной телефонной связи в сельской местности, в том числе в отдаленных, труднодоступных районах, традиционным способом становится экономически неэффективно из-за больших затрат на строительство линейно-кабельных сооружений и их обслуживания.

По итогам 2019 г. значительный удельный вес по объему оказываемых услуг на рынке связи занимает сотовая связь – 41,17 %. Внедрение систем третьего и четвертого поколения подвижной связи 3G UMTS/WCDMA, LTE на сегодняшний день получает широкое распространение.

По состоянию на конец IV квартала 2019 г. на рынке сотовой связи страны присутствуют 4 оператора сотовой связи:

1. ООО «Sky Mobile» (ТМ «Beeline»).
2. ЗАО «Альфа Телеком» (ТМ «Megacom»).
3. ООО «НУР Телеком» (ТМ «O!»).
4. ОсОО «КТ Мобайл» (ТМ «Салам») [58].

По итогам анализа рынка услуг сотовой связи 3 субъекта включены в Реестр доминантов по услуге подвижной

радиотелефонной связи (голосовые услуги и услуги СМС) это ООО «Sky Mobile» (ТМ «Beeline»), ЗАО «Альфа Телеком» (ТМ «Megacom») и ООО «НУР Телеком» (ТМ «O!»).

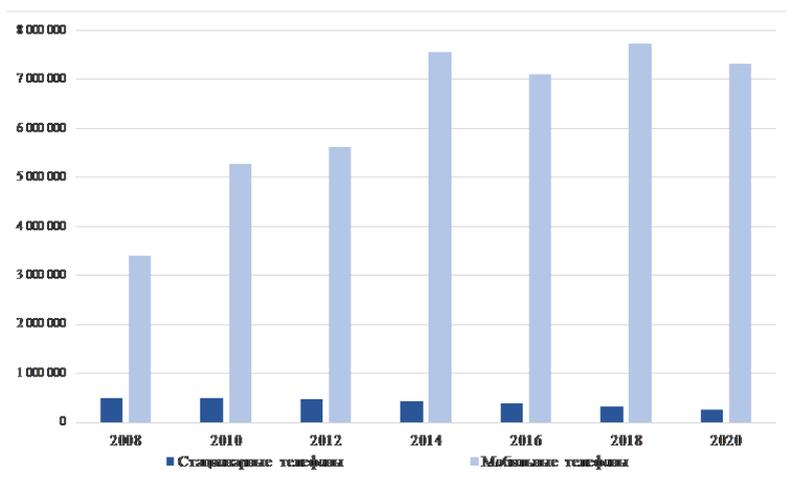

Рисунок 4 – Количество абонентов стационарной и мобильной телефонных сетей [129]

В 2020 г. на территории республики функционировало 796 телефонных станций, из которых 555 – в городских поселениях и 241 – в сельской местности.

По оперативным данным, объем услуг связи в 2020 г. составил более 22 млрд сомов, где на долю услуг сотовой подвижной связи пришлось более 47 %, услуг по предоставлению Интернет-каналов – около 39 %, международной и междугородной телефонной связи – 1,0 % и услуг городской и сельской (местной) телефонной связи – 1,6 %. Отмечается тенденция замещения традиционного способа голосовой связи на передачу данных посредством интернет-приложений.

В целом, по предварительным данным «на долю услуг связи в общем объеме ВВП в 2020 году пришлось 2,7 %» [58].

Таблица 7 – Число телефонных аппаратов и абонентских устройств подвижной (сотовой) связи

Число телефонных аппаратов и абонентских устройств подвижной (сотовой) связи (тысяч)									
Показатели	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Число телефонных аппаратов (без таксофонов) телефонной сети общего пользования	490,7	478,8	458,8	443,1	408,0	382,1	362,3	331,1	298,9
Число домашних телефонных аппаратов	387,5	379,2	353,6	321,4	303,4	280,8	271,6	233,0	205,4
Количество подключенных абонентских устройств подвижной (сотовой) связи	5049,5	5615,0	6737,5	7563,4	7003,1	7112,6	7369,9	7726,9	7721,2

На сегодняшний день отрасль связи в Кыргызской Республике является одной из наиболее быстро развивающихся отраслей, без которой невозможно представить даже один день жизни современного кыргызстанца.

С каждым годом растет число абонентов, подключенных к сети мобильной связи, в то время как число абонентов стационарной связи снижается.

Ни для кого не секрет, что в XXI в. телефонные аппараты телефонной сети общего пользования все больше и больше вытесняются мобильными телефонами. Если в 2011 г. число телефонных аппаратов телефонной сети общего пользования составляло 490,7 тыс., то в 2019 г. их количество снизилось на 61 % или на 191,8 тыс. телефонных аппаратов и составило 298,9 тыс. единиц (таблица 7).

Количество домашних телефонов в 2019 г. сократилось на 53 % или на 182,1 тыс. единиц по сравнению с 2011 г.

Количество подключенных абонентских устройств подвижной (сотовой) связи имеют тенденцию к стабильному росту. По сравнению с 2011 г., количество абонентов подвижной (сотовой)

связи увеличилось на 153 % или на 2672 тыс. абонентов в 2019 г. и составляет 7721,2 тыс. абонентов.

«Количество абонентов мобильной связи на конец IV квартала 2019 г. составило всего 10 563 605, из них активных – 7 721 210 абонентов.

Уровень проникновения сотовой связи КР по состоянию на конец IV квартала 2019 г. составил около 162,5 %, а при расчете с учетом активной абонентской базы – 118,8 %, объем услуг сотовой связи составил 8 930,2 млн сомов» (рисунок 5) [58].

Рисунок 5 – Присоединение и пропуск трафика

В рамках заключенных договоров о межсетевом соединении операторов связи, объем услуг по присоединению и пропуску трафика (интерконнект) на конец 2019 г. составил 2 150,6 млн сом., что на 37,1 % меньше объема услуг за интерконнект за 2018г. (рисунок 6).

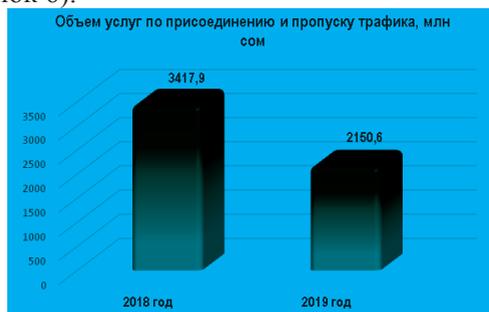

Рисунок 6 – Объем услуг по присоединению и пропуску трафика, млн сом.

Очевидно снижение услуг по пропуску трафика. Отчасти, данное снижение является результатом расширения зоны проникновения интернет-услуг, соответственно использования различных мессенджеров (WhatsApp, Telegram и др.).

С развитием и распространением новых высокоскоростных технологий передачи данных, системы мобильной связи трансформируются в сети нового поколения, что привлекает многочисленную категорию пользователей новых услуг. Высокие возможности, неотъемлемость в повседневной жизни и доступные цены, в виду высокой конкуренции, обеспечивают наиболее высокую привлекательность таким секторам отрасли связи, как мобильная связь, Интернет-услуги.

Однако за последние годы имеет место изменение общего объема традиционных услуг связи, являющееся также и общемировым трендом, обусловленное ростом популярности и выгоды использования Интернет-услуг, альтернативных способов связи, таких как OTT-сервисов (WhatsApp, Telegram и др.).

Одной из причин изменений объема услуг является жесткая конкуренция между операторами связи и вытекающая из нее «ценовая война», в условиях которой операторы в целях привлечения абонентов в свою сеть начинают снижать цены на ряд предоставляемых услуг, что отражается на общей выручке операторов связи» [58].

Исходя из анализа потребностей абонентов, на сегодняшний день большой популярностью пользуются набор услуг (пакетные ТП из СМС, голос, интернет). В дальнейшем с ростом количества смартфонов в сети данная тенденция усилится, что соответственно отразится на структуре доходов операторов связи.

Согласно прогнозным данным операторов связи, учитывая негативные факторы и общемировые тенденции увеличения доли услуг передачи данных, ожидается продолжение имеющихся трендов: сокращение объемов голосового, СМС и ММС трафиков, в том числе от услуг фиксированной связи, а также снижение доходов от этих видов услуг. В свою очередь, предполагается продолжение роста интернет-трафика и снижение стоимости 1 Мб трафика.

Конкурентные отношения развиваются быстрыми темпами в сфере торговли, что побуждает операторов рынка повышать эффективность операций и создавать конкурентные преимущества. Потребители с учетом широкого выбора, предлагаемых систем скидок уже предъявляют повышенные требования, такие как удобство совершения покупок и их доставки, оформления и т. д., высокое качество при низкой цене товара и высокая скорость обслуживания и его соответствующий уровень. Поэтому в настоящее время наблюдается появление супер- и гипермаркетов, которые функционируют в различных форматах. У потребителей появился выбор, где покупать товар, либо на рынках и павильонах по более низкой стоимости, либо дороже – в супермаркетах для удобства и качества обслуживания.

Неоднородна конкурентная среда в пищевой и перерабатывающей промышленности.

Существующие ранее предприятия-монополисты в сфере производства табачных изделий (ОАО «Реестма Кыргызстан»), шампанского, коньяка, спирта-сырца этилового (ОсОО «Шампан-винкомбинат») утратили свое доминирующее положение, что свидетельствует об активном развитии конкурентных отношений на этих рынках.

Так, до 2014 г. в сфере производства табачных изделий на территории Кыргызской Республики действовал 1 хозяйствующий субъект – ОАО «Реестма-Кыргызстан», представляющий международную компанию Imperial Tobacco Group (ITG) в Центральной Азии. Данный субъект был включен в Государственный республиканский реестр субъектов естественных и разрешенных монополий Кыргызской Республики (далее – Госреестр), с применением метода регулирования – установления предельного уровня рентабельности.

В 2014 г. в связи со снижением доли на рынке с 40,8 % до 29,2 % (потерей рыночной силы), вследствие конкуренции со стороны компаний импортеров, приказом Госагентства № 4 от 20 января 2014 года ОАО «Реестма-Кыргызстан» было исключено из Госреестра субъектов монополистов.

Таким образом, с 2015 г. на рынке в качестве продавцов действуют только субъекты – оптовые фирмы (дистрибьюторы) – импортеры, выполняющие роль связующего звена между иностранными производителями и покупателями (потребителями).

Количество субъектов импортеров на рынке за анализируемый период увеличилось с 12 до 17 ед. (без учета физических лиц).

Производство строительных материалов. Производством цемента в республике занимается 4 компании:

- на севере республики – ОАО «Кантский цементный завод»;
- на юге республики – «ЗАО «Южно-Кыргызский цемент»;
- ОсОО «Ак-Сай-цемент»;
- ОсОО «Южный комбинат строительных материалов», который на сегодняшний день обеспечивает большую часть потребляемого в республике цемента.

Несмотря на то, что объем производства цемента ОАО «Кантский цементный завод» снизился, данный субъект остается доминантом на данном рынке с рыночной долей более 40 %.

Вместе с тем, производством цемента в малых объемах занимается ОсОО «Технолин», ОсОО «Ак-Сай-цемент». Есть и простаивающие предприятия, имеющие производственные мощности – ОАО «Курментыцемент».

Кроме этого, «в экономике Кыргызстана присутствует рынок монополии, как, например, рынок закупки табака, сырого молока, фасоли. Продавцы табака-сырца зависимы от единственного покупателя (ЗАО «Сунель табак»). Продавцы сырого молока также зависят от перекупщиков, закупающих его для дальнейшей реализации промышленным производителям.

Следует отметить, что есть такие виды деятельности, которые трудно отнести к категории монополий. К таким видам относится деятельность по изготовлению паспортов гражданина Кыргызской Республики.

Услуга по изготовлению паспортов относится к категории государственных платных услуг и включена в Единый реестр (перечень) государственных услуг, оказываемых органами исполнительной власти, их структурными подразделениями и подведомственными учреждениями, утвержденный поста-

новлением Правительства Кыргызской Республики от 10 февраля 2012 года № 85. Фактически данную услугу оказывает ГП «Инфоком» при Государственной регистрационной службе, который включен в реестр доминантов по персонификации и изготовлению паспортов гражданина, а также по изготовлению государственных регистрационных номерных знаков для транспортных средств.

В республике наблюдается улучшение конкурентной среды на рынках переработки зерна, выпечки хлебобулочных и кондитерских изделий, молока и молочной продукции. Для всех хозяйствующих субъектов этих рынков характерна продуманная ассортиментная политика, интеграция с поставщиками сырья и комплектующих, отлаженные схемы сбыта продукции и поиск новых каналов сбыта, разработка инвестиционных программ.

Таблица 8 – Число хозяйствующих субъектов в сельском хозяйстве²

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019
	Единицы				
Сельское хозяйство	401 350	415 433	429 217	440 055	452 803
Баткенская область	38 037	38 500	39 293	39 763	40 597
Джалал-Абадская область	95 012	96 128	98 848	100 814	103 525
Иссык-Кульская область	35 040	35 329	36 032	36 308	36 857
Нарынская область	40 338	41 402	42 450	43 784	44 911
Ошская область	102 275	111 509	116 545	120 828	125 211
Таласская область	24 895	25 686	27 055	28 298	29 550
Чуйская область	62 830	63 772	65 562	66 488	67 946
г. Бишкек	269	376	626	862	1 107
г. Ош	2 654	2 731	2 806	2 910	3 099

Источник [141]: по данным Настаткома КР.

Об усилении конкуренции между производителями сельскохозяйственной продукции свидетельствует тот факт, что на конец 2019 г. число хозяйствующих субъектов, занятых

² Составлено по данным НСК КР

в сельском хозяйстве, увеличилось и составило 452,8 тысяч единиц (в 2015 г. – 401,3 тыс. ед.) (таблица 8).

Таким образом, на основе анализа конкурентной среды и конкурентных отношений в республике определены главные особенности:

- степень монополизации рынка выше, чем в государствах с исторически сложившимся рыночным хозяйством;
- большой рыночной властью обладают естественные монополии, функционирующие в базовых сферах экономики – электроэнергетике, коммуникациях, связи и т. д. Так, ОАО «Национальные электрические сети» контролирует 98 % потребителей электроэнергии, ОАО «Кыргызгаз» – 99 % внутреннего газового рынка;
- факты недобросовестной конкуренции и извлечения монополистических выгод стали носить распространенный, повсеместный и устойчивый характер.

В настоящее время отрасли со сложившимися конкурентными отношениями – это:

- сфера торговли и общественного питания;
- швейная отрасль;
- сфера перевозок автомобильным транспортом;
- строительство;
- сфера услуг – ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного пользования, доставка на дом продуктов питания и бытовой техники, услуги парикмахерских, различных салонов красоты, бань и саун, полиграфических услуг.

2.3. Анализ уровня развития конкурентных отношений и антимонопольного регулирования в республике

В Кыргызстане целенаправленно и последовательно продолжается процесс развития конкурентных отношений в экономике.

Изменение экономической политики в стране, диверсификация форм собственности, либерализация экономики Кыргызстана, де-монополизация и формирование конкурентной среды на товарных и финансовых рынках характерны для современного этапа разви-

тия экономики страны. Вместе с тем, формирование конкурентных рыночных отношений в течение всего периода рыночных реформ в Кыргызстане, к сожалению, не относилось к числу приоритетных задач. Основное внимание уделялось макроэкономической стабилизации, финансово-кредитной, налоговой политике.

В то же время монопольное положение многих предприятий сохранилось. Генетически заложенные в советское время предпосылки монопольного поведения этих предприятий на рынке только усугубились новым частнохозяйственным монополизмом. Крупные государственные монополии трансформировались в частные» [88, 34], защищающие свое доминирующее положение, что препятствует дальнейшему развитию конкурентных отношений.

Рассмотрим уровень развития конкурентных рыночных отношений в Кыргызской Республике с помощью таких индексов, как Индекс экономической свободы (Index of Economic Freedom), Индекс восприятия коррупции, Индекс глобальной конкурентоспособности.

Индекс экономической свободы (Index of Economic Freedom) является одним из определяющих условий развития конкурентных отношений. Сущность индекса экономической свободы заключается в государственных гарантиях дееспособным субъектам свободы предпринимательства.

Важную роль в обеспечении экономической свободы играет реализация на практике положений статьи 12 Конституции Кыргызской Республики, в которой установлены следующие фундаментальные положения» [168]:

«1. Признается разнообразие форм собственности и гарантируется равная правовая защита частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности.

2. Собственность неприкосновенна. Никто не может быть произвольно лишен своего имущества. Изъятие имущества помимо воли собственника допускается только по решению суда.

3. Изъятие имущества для общественных нужд, определенных в законе, может быть произведено по решению суда со справедливым и предварительным обеспечением возмещения стоимости этого имущества и других убытков, причиняемых в результате отчуждения».

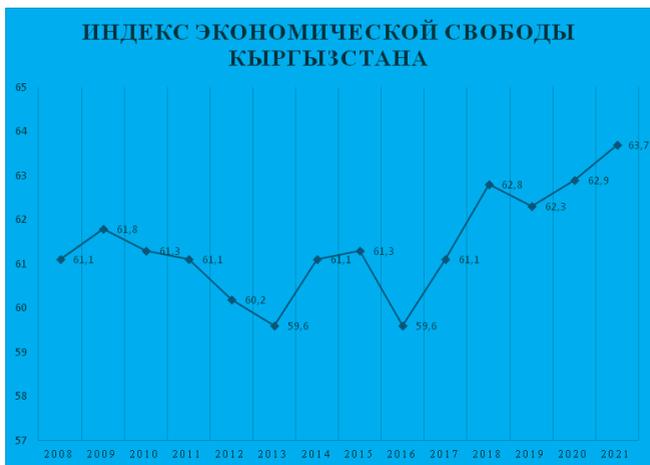

Рисунок 7– Динамика индекса экономической свободы в Кыргызской Республике (2008–2021 гг.)³

Оценка индекса экономической свободы в Кыргызстане (рисунок 7) составляет 63,7, что делает ее экономику 78-й среди самых свободных в Индексе 2021 года. Его общая оценка увеличилась на 0,8 балла, в первую очередь из-за улучшения финансового состояния. Кыргызская Республика занимает 13-е место среди 40 стран Азиатско-Тихоокеанского региона, а ее общий балл выше средних региональных и мировых показателей.

Экономика Кыргызской Республики пятый год подряд входит в число умеренно свободных. Чтобы добиться большей экономической свободы, правительству придется действовать агрессивно, чтобы бороться с постоянной и повальной коррупцией. Необходимы глубокие структурные и институциональные реформы для усиления защиты прав собственности, повышения эффективности судебной системы и сокращения чрезмерных государственных расходов.

В рейтинге оценивается, где лучше всего соблюдаются экономические права по: гарантии прав собственности, прозрачности налогообложения, свободе предпринимательства, монетарной свободе, свободе торговли, инвестирования, рынку

³ Составлено по данным НСК КР

труда и финансовой свободе, а также бессмертной заразе любой страны ЦА – свободе от коррупции.

Государственные расходы составили 34,8 % от общего объема производства (ВВП) за последние три года, а дефицит бюджета в среднем составлял 1,5 % ВВП. Государственный долг эквивалентен 54,1 % ВВП.

Получение разрешений на строительство теперь занимает больше времени и стоит дороже, но получение электроэнергии теперь занимает меньше времени и стоит меньше. Разрешение неплатежеспособности происходит быстрее, а уровень взыскания увеличился. Работодатели могут без ограничений изменять свой штат, в том числе нанимать и увольнять работников. По данным Международного валютного фонда, государственные энергетические субсидии составляют 2 % ВВП. Правительство также субсидирует государственные предприятия.

В Кыргызской Республике действует девять соглашений о преференциальной торговле. Средневзвешенная тарифная ставка составляет 6,1 %, действуют 18 нетарифных мер. Общий инвестиционный климат подвержен значительному риску и неопределенности. Финансовый сектор, в котором преобладает банковский сектор, недостаточно развит и не имеет эффективной регулирующей инфраструктуры. Стоимость кредита остается высокой. В 2020 году были приняты меры по увеличению ликвидности в финансовой системе.

Другой показатель развития конкурентных отношений – это *Индекс восприятия коррупции*. Индекс ежегодно обеспечивает общее представление об относительной степени коррумпированности посредством рейтинга стран и территорий со всего мира.

Да, следует согласиться, что «нет государств без коррупции (хотя Сингапuru практически удалось искоренить коррупцию как социальное явление), но ее уровень в разных странах существенно различается» [85].

Но тем не менее, коррупция была и остается одной из острых проблем в экономике Кыргызстана, которая оказывает существенное влияние на развитие конкурентных отношений.

Проанализируем динамику индекса восприятия коррупции в Кыргызской Республике, начиная с 1999 года. Отметим, что с 1997 г. большинство стран с переходной экономикой было включено в отчет ИВК, Кыргызстан был включен в этот отчет с 1999 г. (таблица 9).

Таблица 9 – Динамика индекса восприятия коррупции в Кыргызской Республике (1999 –2011 гг.) [40]

Годы	ИВК, в баллах	Количество стран в выборке	Ранг страны
1999	2,2	99	87
2003	2,1	118	133
2004	2,2	122	145
2006	2,2	142	163
2007	2,1	180	150
2008	2,1	180	152
2009	2,0	179	158
2010	2,1	179	160
2011	2,1	178	164

Как следует из данных таблицы 9, индекс восприятия коррупции в Кыргызской Республике варьировал в незначительном интервале – от 2,1 до 2,2. В 2011 г. страна занимала 164 место среди 178 стран, представленных в выборке Transparency International, а в 1999 г. – 87-е из 99 стран. Следует отметить, что положение мест не является главным в данном рейтинге, так как количество стран может увеличиваться либо уменьшаться, и главным показателем в данном рейтинге является количество полученных баллов» [40].

В 2012 г. Transparency International изменила методологию, использовавшуюся для подготовки индекса, с целью обеспечения возможности сравнения показателей из года в год. Индекс восприятия коррупции (ИВК) – составной индекс, измеряющий уровень восприятия коррупции в государственном секторе различных стран. С 2012 г. страны ранжируются по шкале от 0 до 100 баллов, где ноль обозначает самый высокий уровень восприятия коррупции, а сто – самый низкий (рисунки 8).

Рисунок 8 – Динамика индекса восприятия коррупции в Кыргызской Республике (2012–2020 гг.)

С 2012 по 2020 годы показатель Кыргызстана в ИВК изменился с 24 до 31 балла в 2020 году. Кыргызская Республика заняла 124-е место из 180 стран в индексе восприятия коррупции за 2020 (ИВК-2020), который каждый год составляет международная организация Transparency International. Кыргызстан получил 31 балл из 100, оказавшись в одном ряду с Кенией, Мексикой и Пакистаном.

Анализ динамики индекса восприятия коррупции в Кыргызской Республике за период с 2012 по 2020 гг. показывает, что данный показатель за последние 9 лет соответствует **невысокому уровню развития конкурентных отношений**.

Кроме того, индекс восприятия коррупции (ИВК) за 2020 г., опубликованный организацией Transparency International, показывает, что пустившая глубокие корни коррупция подрывает не только экономику, но и систему здравоохранения, и усугубляет нарушение демократических принципов на фоне пандемии COVID-19».

Рассмотрение экономической ситуации в республике на основе индекса восприятия коррупции показывает, что степень коррумпированности – на высоком уровне. «Ежегодные небольшие изменения связаны с тем, что системное противодействие коррупции подменялось точечными уголовными делами, существующие

антикоррупционные инструменты не развивались, отсутствовала политическая воля к реальным изменениям, поэтому и противодействие коррупции обречено было оставаться декларативным, что, в свою очередь, безусловно, оказывает существенное влияние на развитие конкурентных отношений в республике» [140].

В связи с изменением методологии по оценке ИВК рассмотрим отдельно периоды до 2012 г. и после.

Рисунок 9 – Рейтинг Кыргызстана по индексу восприятия коррупции и по индексу глобальной конкурентоспособности

На рисунке 9 видно, как по мере роста коррупции снижается рейтинг конкурентоспособности.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в период с 2014 по 2019 г. (рисунок 10).

Рисунок 10 – Динамика рейтинга глобальной конкурентоспособности Кыргызской Республики (2014 –2019 гг.) [123]

На основе анализа тенденций рассмотренных индексов, таких как индекс экономической свободы, индекс восприятия коррупции, индекс глобальной конкурентоспособности выявим уровень развития конкурентных отношений в Кыргызстане.

Таблица 10 – Сравнительный анализ уровня развития конкурентных отношений в Кыргызстане

Индекс экономической свободы	Индекс восприятия коррупции	Индекс глобальной конкурентоспособности	Уровень развития конкурентных отношений
80–100	75–99	Свыше 75	Высокий
60–79	50–74	60–74	Умеренный
40–59	25–49	50–59	Невысокий
Менее 40	менее 24	Менее 50	Низкий
63,7 (умеренный)	31 (невысокий)	54 (невысокий)	Данные по Кыргызской Республике

По данным таблицы 10 следует констатировать, что уровень развития конкурентных отношений в Кыргызстане **невысокий**, поскольку в 2020 г.:

- индекс экономической свободы составлял 63,7 балла, что соответствует умеренному уровню развития конкурентных отношений;
- индекс восприятия коррупции – 31 балл, что соответствует невысокому уровню развития конкурентных отношений;
- индекс глобальной конкурентоспособности – 54 балла, что соответствует невысокому уровню развития конкурентных отношений.

Рассмотрим динамику выявленных нарушений антимонопольного законодательства за период с 2006 по 2020 гг.

Таблица 11 – Динамика выявленных нарушений антимонопольного регулирования в Кыргызстане (2006–2020 гг.)

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Факты нарушения АМЗ (выявленных комитетом), в том числе:	261	335	267	153	46	91	78	62	86	69	98	72	93	64	70
Возбуждено дел по выявленным нарушениям АМЗ	167	130	166	43	14	59	34	48	52	38	67	26	46	25	36
Ст. 5 – недобросовестность недобросовестной конкуренции	9	13	11	-	-	6	1	15	3	5	13	3	2	1	
Ст. 6 - недобросовестность создания доминирующего положения хозяйствующего субъекта на рынке	124	80	154	35	3	17	3		1	3	6	1	-		
Ст. 7 – недействительность соглашений (согласованных действий хозяйствующих субъектов, ограничивающих конкуренцию)	5	4	-	-	3	3		3	1	1	2	-	1	1	
Ст. 8 – неправомочность актов и действий органов власти, направленных на ограничение конкуренции	2	1	-	1	3	2		3		1	-	-	1	-	
Ст. 26 – порядок исполнения предписания антимонопольного органа	27	16	1	7	5	31									
По результатам рассмотрения направлено предписаний	80	62	27	39	63	54	18	22	22	15	24	21	20	15	26
Исполнено предписаний	65	44	20	31	37	30	18	20	19	13	15	20	18	12	18
Принято решений о наложении штрафных и экономических санкций, тыс. сомов	16423,8	11508,6	4779,8	1244,4	72748,7	30102,1	48302,1	36204,3	63126,2	35208,3	47601,4	38902,3	42156,8	39589,6	29975,3

Как следует из данных таблицы 11, число выявленных фактов нарушения антимонопольного законодательства за исследуемый период (2006–2020 гг.) уменьшилось с 261 до 70 в 2020 г., что свидетельствует о сокращении количества обнаруженных фактов нарушения, а отнюдь не о сокращении нарушений антимонопольного законодательства. Следует согласиться с мнением многих кыргызстанских ученых, что «в настоящее время существуют проблемы, препятствующие дальнейшему совершенствованию антимонопольного регулирования.

Во-первых, это несоответствие действующего законодательства современному уровню развития рыночных отношений.

Во-вторых, незначительность санкций за нарушение антимонопольного законодательства.

В-третьих, отсутствие возможности у антимонопольного органа проводить внезапные проверки, что не позволяет выявить ценовые сговоры между конкурентами и принимать своевременные меры по устранению антимонопольного законодательства» [89, 32].

На основе анализа уровня развития конкурентных отношений и антимонопольного регулирования были выявлены следующие факторы, являющиеся ограничителями развития конкурентных отношений в республике:

- несоответствие законодательства в области конкуренции современным требованиям, что препятствует развитию конкурентных отношений;
- непосильное бремя налогов, что провоцирует основную массу предпринимателей к теневизации бизнеса;
- присутствие недобросовестной конкуренции в конкурентной среде;
- существование коррупционных схем, нарушающих конкурентные механизмы рынка, поскольку в выигрыше оказывается не тот, кто конкурентоспособен, а тот, кто смог получить преимущества за взятки;
- высокий уровень коррупции, что приводит к дискредитации идей честных рыночных конкурентных отношений;
- ограниченность авиа и железнодорожных перевозок в условиях пандемии COVID-19;
- политическая нестабильность и государственная бюрократия.

ГЛАВА III. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНКУРЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

3.1. Зарубежный опыт совершенствования конкурентных отношений и возможности его применения в республике

Стандартная экономическая теория говорит нам, что конкурентные силы работают лучше всего и дают ожидаемые результаты, когда существует рынок, который не перекрывается искажениями. Модель экономики свободного рынка является теоретической конструкцией с большой исторической силой. Это модель, которая вводится в начале каждого учебника по экономике и канонизируется авторитетом основателя современной экономики Адама Смита. Свободная конкуренция является фундаментальной предпосылкой любой рыночной экономики и даже считается одной из основ демократического общества. Тем не менее, недостаточно стандартных экономических текстов ссылаются на предостережение Адама Смита о необходимости «развивать» свободную конкуренцию [49]. Он слишком хорошо понимал, что «люди одной и той же профессии редко встречаются вместе даже для веселья и развлечения, но разговор заканчивается заговором против общественности или каким-то ухищрением для поднятия цен» (Смит, 1776). Фактически Смит пошел еще дальше и посвятил много страниц обсуждению конкретного ущерба, нанесенного монополистической деятельностью по купле-продаже Ост-Индской компании в обнищании как индийских производителей, так и английских потребителей.

Смит и другие более ранние авторы, такие как Альфред Маршалл [43], были реалистичны в той конкуренции, которую они считали осуществимой и желательной в развивающейся экономике такой страны, как Великобритания, когда она впервые стала индустриальной. Прежде всего, они подчеркнули преимущества бесплатного входа и выхода в отрасли и из нее.

Это понимание было заново открыто в теории «оспариваемых» рынков и отличается от статического понятия совершенной конкуренции [43]. Для того чтобы конкурентные преимущества были динамичными, новые и более эффективные фирмы должны относительно легко выходить на рынок, а более старые, менее эффективные – вынуждены обновляться или уходить. Фактически, современная экономика также заново открыла идею, что конкуренция – это процесс проб и ошибок, не всегда совершенный, когда фирмы входят и уходят. Таким образом, выгода от конкуренции заключается не просто в том, что цены будут оставаться максимально низкими для потребителей, что важно в развивающихся странах; они также включают в себя создание возможностей для новых фирм, в том числе малых предприятий, выходить на рынки и расти, и давление на существующие фирмы для инноваций, с помощью которых мы должны думать о внедрении новых продуктов и услуг, новых способов управления бизнесом.

Критики этой точки зрения иногда утверждают, что безопасные рынки для компаний-монополистов обеспечат им гарантию прибыли для инвестиций и инноваций. Существуют обстоятельства, когда это может произойти, но мало доказательств того, что такая политика работает систематически (см. ниже пример Кореи). В большинстве развивающихся стран условия для совершенной конкуренции далеко не соблюдены, и возможные выгоды от конкуренции не всегда приводят к дополнительному росту. В то же время усилия по дерегулированию рынков, предназначенные для выгоды потребителей, не всегда работают. Например, выгоды для благосостояния потребителей и развития, возникающие в результате либерализации торговли и инвестиций и приватизации, в отсутствие соответствующих правил конкуренции и поддержки институциональной инфраструктуры, ставятся под сомнение в свете опыта многих развивающихся стран» [156].

Для многих развивающихся стран законодательство о конкуренции является недавней инновацией. Этот рост интереса к законодательству о конкуренции в развивающихся странах

и странах с переходной экономикой отражает существенные изменения, которые произошли в политической и экономической среде. В течение последних двух десятилетий многие развивающиеся страны ввели программу микроэкономических реформ, предусматривающую большую зависимость от рынков и меньший упор на государственное вмешательство. Среди более важных изменений – снижение тарифных барьеров, снятие многих количественных ограничений на импорт, сокращение субсидий отечественным производителям, приватизация государственных предприятий, а также коммунальных услуг, ослабление валютного контроля и поощрение прямых зарубежных инвестиций.

В основе этих реформ лежит новая уверенность в том, что рыночные силы и индивидуальные решения потребителей и частных предприятий могут внести больший вклад» [145] в экономическое и социальное развитие, чем внутренняя централизованная экономическая система. Тем не менее, потенциальные выгоды от перехода к более ориентированной на рынок экономике не будут реализованы, если коммерческим фирмам не помешают наложить ограничения на конкуренцию. Дерегулирование ранее регулируемых секторов, включая контролируемые государством монополии, такие как коммунальные услуги и «сетевые отрасли», которые долгое время считались по большей части «естественными монополиями», должны подвергаться проверке конкуренции со стороны антимонопольных органов или отраслевых наблюдателей и обеспечить, чтобы эти фирмы не злоупотребляли своим доминирующим положением на рынке. В настоящее время считается вероятным, что конкуренция возможна на рынках, которые раньше считались естественно монополистическими, особенно в сфере телекоммуникаций, но мировой опыт показывает, что у действующих монополистов часто возникают уловки, чтобы воспрепятствовать этому.

Все эти экономические реформы имеют одну важную общую черту: необходимость в конкурентной политике, если политикам, ориентированным на рынок, необходимо дать наилучшие шансы

на успех. Например, либерализация цен, если она не сопровождается законами и политикой в области конкуренции, направленными на контроль экономического поведения и структур, может привести к существенному росту цен и снижению выгод для экономики в целом. Если монополистическим структурам будет разрешено продолжать беспрепятственно, либерализация цен не будет проходить удовлетворительно [145].

То же самое можно сказать и «о приватизации государственных монополий в частные». Наконец, открытие рынков путем конкуренции за импорт и либерализации ПИИ может привести к усилению конкуренции, но если не существует никаких гарантий, что иностранные фирмы могут также участвовать в антиконкурентной практике и злоупотреблять доминирующими рыночными позициями (UNCTAD, 2002) [152]. Это может принять форму хищнического поведения для устранения местной конкуренции или, возможно, более вероятных картелей и соглашений о разделе рынка, возможно, в сотрудничестве с местными фирмами, которые лишают потребителей преимуществ либерализации торговли. Отсюда вытекает необходимость в сильном и эффективном законе о конкуренции, который будет разрешать антиконкурентные соглашения или действия только при наличии очевидных чистых общественных выгод.

Практически во всех странах, где есть закон о конкуренции, заявленная цель законодательства заключается в повышении экономической эффективности и, следовательно, в содействии экономическому развитию. Также широко признано, что закон должен быть направлен на повышение благосостояния потребителей. Хотя среди развитых и развивающихся стран существует широкий консенсус относительно основных целей законодательства и политики в области конкуренции, между странами также существуют некоторые различия в формулировке вторичных целей. Некоторые развивающиеся страны подчеркивают, что конкурентное право играет роль в ограничении дальнейшего увеличения концентрации экономической власти в руках нескольких крупных корпораций. Другие страны видят необходимость в законодательстве положений, защищающих

интересы малых и средних предприятий и, например, в случае с Южной Африкой, содействие достижению других социальных целей для более широкого распространения экономической мощи (UNCTAD, 2002b) [146]. Стоит добавить, что «политика в области конкуренции является более широким понятием, чем закон о конкуренции. Общее содействие конкуренции в экономике требует широкого спектра действий, например, в области торговой политики и государственных закупок. Агентству, отвечающему за содействие конкуренции, возможно, придется попытаться убедить правительство и бизнес не делать определенных действий, а также применить закон против практики, которая была определена как реально происходящая (см. ниже).

Либерализация международной торговли, включая снижение тарифных барьеров и устранение большинства количественных ограничений на импорт и экспорт, позволяет производителям расширять свой кругозор на мировые рынки, а не полагаться исключительно на небольшие внутренние рынки. Используя новые экспортные возможности, они могут увеличить объем производства и снизить затраты за счет эффекта масштаба. Кроме того, поскольку на экспортных рынках обычно наблюдается сильная конкуренция, эти фирмы, как правило, вынуждены разрабатывать более эффективные методы производства, более совершенные маркетинговые методы и улучшения качества своей продукции. Это часто приводит к снижению цен и повышению качества товаров не только для иностранных покупателей, но и для внутренних потребителей. Снижение торговых барьеров также увеличивает конкуренцию со стороны импорта для тех местных производителей торгуемых товаров и услуг, которые в основном зависят от внутреннего рынка. Дополнительное конкурентное давление обязывает эти фирмы также повышать свою производительность и снижать цены для потребителей.

Исходя из таких аргументов, для малых стран с открытой экономикой часто предполагается, что либерализация торговли обеспечивает необходимую структуру рынка для конкурентоспособных отраслей с тем, чтобы предотвратить монополистическое поведение. Существует много вопросов,

которые требуют конкурентной политики в самом широком смысле, включая ограничительные механизмы распределения импорта и необходимость контролировать злоупотребления правами интеллектуальной собственности (Hoekman and Holmes, 1999) [152].

Одной лишь либерализации торговли часто недостаточно для поддержания оптимального уровня конкуренции во всех секторах экономики. Ряд торговых барьеров все еще существует, и часто вводятся новые, чтобы компенсировать снижение тарифов и отмену количественных ограничений в торговле. Например, условная защита и, в частности, антидемпинг, стали основным яблоком раздора в международных торговых отношениях. Многие экономисты считают, что в той степени, в которой демпинг является потенциально экономической проблемой для импортирующей страны, он может и должен решаться путем обеспечения соблюдения национального законодательства о конкуренции; следует признать, что большинство антидемпинговых действий на самом деле не связаны с «хищничеством» доминирующих фирм по отношению к конкурентам страны-импортера. Напротив, часто отмечается, что, когда отечественные фирмы подают антидемпинговые жалобы, это увеличивает вероятность того, что антиконкурентная практика будет возникать дома. Несколько исследований нашли доказательства того, что антидемпинг тесно связан или ведет к различным формам антиконкурентной практики. Например, Prusa (1992) и Zanardi (2000) изучали стимулы для сговора между отечественными и иностранными фирмами, участвующими в антидемпинговых расследованиях. Prusa представила модель торга, чтобы объяснить, почему так много антидемпинговых петиций было отозвано в 1980–1985 годах, когда пошлины были наложены только на 27 % расследований, инициированных USITC, в то время как 38 процентов петиций были отозваны и 35 % отклонено. Его модель показывает, что антидемпинговые петиции служат средством достижения совместных уровней прибыли среди конкурентов. Занарди исследовал период 1980–1992 гг. и пришел к такому же выводу. Используя расширенную версию модели Prusa, он показывает,

что стимулы к сговору зависят от двух основных параметров: затрат на координацию и относительной переговорной силы участвующих фирм.

Кроме того, либерализация торговли сама по себе не может «устранить склонность фирм к антиконкурентной практике». Фирмы могут просто расширять базу картелей, с которыми они работают. Более того, когда сговор основан на ценах, снижение торговых барьеров может повысить стабильность картеля, упрощая возмездие за снижение цен, способствуя более сговорчивому пониманию между внутренними и зарубежными конкурентами о том, что они не экспортируют на внутренние рынки друг друга (что-то вроде добровольных ограничений экспорта, но в частном порядке). Этот аргумент предполагает, что, как и в других случаях, антиконкурентные частные барьеры могут легко заменить правительственные барьеры в торговле.

Таким образом, даже если кто-то полагает, что либерализация торговли имеет жизненно важное значение, страны могут не иметь возможности рассчитывать на это, предоставляя свои полные выгоды без дополнительной политики конкуренции.

Итак, даже при наличии более либеральной торговой политики эффективная конкурентная политика является весьма желательным компонентом, поскольку частные субъекты, опасаясь последствий либерализации торговли и усиления конкуренции, могут быть склонны защищать свои интересы и доли рынка путем введения перекрестных мер: пограничные антиконкурентные практики, такие как международные картели; злоупотребление доминирующим положением и злоупотребление правами интеллектуальной собственности (ПИС). В некоторых случаях такая практика может ограничивать международную торговлю даже более жестко, чем прежние высокие тарифы, и столь же строго, как и нетарифные барьеры. Отечественные поставщики могут заключать эксклюзивные соглашения со своими местными дистрибьюторами, что фактически лишает импортеров доступа на некоторые рынки. Крупные торговые сети могут отказаться от распространения торгуемых товаров. Для установления цен может быть создан международный картель, чтобы продаваемые

товары не могли продаваться дешевле, чем эквивалентные товары отечественного производства. При наличии эффективного закона о конкуренции такая антиконкурентная практика может быть оспорена. Однако в странах, где нет закона о конкуренции, выгоды от либерализации торговли могут быть потеряны из-за такого антиконкурентного поведения на внутреннем рынке.

Становится все более очевидным, что антиконкурентная практика как внутренняя, так и транснациональная, наносит ущерб процессу развития в развивающихся странах более значительно, чем считалось ранее. Это верно по крайней мере по трем причинам. Во-первых, учитывая узкую внутреннюю производственную базу, развивающиеся страны вынуждены полагаться на импорт промежуточных товаров. В той степени, в которой такой импорт подвергается антиконкурентной практике либо со стороны отечественных фирм (например, импортного картеля), либо со стороны иностранных поставщиков этого импорта (например, экспортного или международного картеля), страна-импортер будет оштрафована на более высокий, чем необходимо, импорт. Первая практика явно подпадает под задачи национального антимонопольного органа.

В ряде работ Evenett и коллеги задокументировали, в какой степени международные картели по-прежнему «работают на рынках, где развивающиеся страны импортируют много, и существует растущая обеспокоенность тем, что в сельскохозяйственном экспорте и импорте НРС доминирует небольшое число заинтересованных торговцев. Преследование картелей среди иностранных поставщиков является более сложной задачей для развивающихся стран, которым во многих случаях потребуется международное сотрудничество» [152].

Во-вторых, для достижения своих целей в области развития развивающимся странам необходимо опираться на ориентированные на экспорт стратегии. Однако ожидаемые выгоды от недавних ослабленных условий доступа к рынкам на многостороннем уровне или с помощью преференциальных схем будут серьезно ограничены, если частная антиконкурентная практика все еще будет действовать.

В-третьих, иностранные фирмы чувствуют себя более склонными к участию в трансграничном антиконкурентном поведении, когда страны, в которые они экспортируют, не имеют внутреннего закона о конкуренции и не могут ни по отдельности, ни посредством сотрудничества с иностранными конкурентными ведомствами оспаривать рыночное поведение фирм. Таким образом, страны, не имеющие внутреннего закона о конкуренции, будут главными жертвами международной антиконкурентной практики. Обеспечение принятия мер для надлежащего решения таких вопросов должно быть одной из основных целей любой национальной системы конкуренции.

Необходимость в законе о конкуренции также очевидна при либерализации прямых иностранных инвестиций, поскольку воздействие ПИИ не всегда способствует росту конкуренции. Часто бывает так, что прямые иностранные инвестиции принимают форму иностранной корпорации, которая приобретает местное предприятие или создает совместное предприятие с ним. Сделав такое приобретение, иностранный инвестор может занять доминирующее положение на соответствующем рынке, что позволит ему получать высокую прибыль и устанавливать цены намного выше конкурентного уровня. Другой сценарий, с которым часто сталкиваются в развивающихся странах и странах с переходной экономикой, заключается в том, что филиалы двух отдельных многонациональных компаний (МНК) были созданы в условиях конкуренции друг с другом на определенном рынке после либерализации прямых иностранных инвестиций в этой стране. Впоследствии материнские компании за рубежом решают объединиться. Поскольку филиалы перестали быть независимыми друг от друга, конкуренция в принимающей стране может быть практически устранена, а цены на продукт увеличены, даже если на рынке в стране, где проживает ТНК, может быть больше конкуренции, так что власти там не должны беспокоиться.

Этих неблагоприятных последствий слияний и поглощений со стороны ТНК можно избежать, если в принимающей стране действует эффективный закон о конкуренции. Как отмечает

ЮНКТАД (1997), правоохранительные органы в области конкуренции дают понять фирмам, что внутреннее инвестирование, мотивированное стремлением к доминирующему положению и возможным злоупотреблением им, будет регулироваться законодательством о конкуренции. Как упоминалось ранее, одним из элементов, обычно встречающимся в законодательстве о конкуренции, является запрет на любое слияние, поглощение или поглощение, которые могут существенно снизить конкуренцию или предотвратить доступ к рынку. Будучи реалистами, мы знаем, что даже агентства по конкуренции в развитых странах имеют ограниченную возможность запретить сразу несколько слияний. Тем не менее, они часто могут навязывать условия для таких слияний – и что поразительно, мы находим, что развивающиеся страны, особенно Южная Африка, также могут навязывать условия, например, лишение бренда иностранным ТНК, при условии, что они действуют вовремя (CUTS, 2003).

Также утверждается, что экономика, которая внедрила эффективный закон о конкуренции, находится в лучшем положении для привлечения прямых иностранных инвестиций, чем та, которая этого не сделала. Это связано с тем, что «большинство транснациональных корпораций привыкли к применению такого закона в своих странах и знают, как справляться с любыми проблемами, которые могут возникнуть у антимонопольного органа. Более того, транснациональные корпорации ожидают, что антимонопольные органы обеспечат равные условия для игры между отечественными и иностранными фирмами, в том числе между ТНК» [153].

Однако, рассматривая перспективу инвестирования за рубежом в развивающуюся экономику без хорошо известного закона о конкуренции, иностранные инвесторы сталкиваются с неопределенностью, не зная, будет ли и когда будет введено законодательство о конкуренции, и, что еще важнее, как оно будет осуществляться. Есть, конечно, и другие области неопределенности, которые могут препятствовать прямым иностранным инвестициям, в частности, политическая неопределенность, медленные темпы экономического развития,

колебания обменного курса, препятствия для международной торговли и правительственных норм и, конечно же, любое дискриминационное применение законов о конкуренции. Тем не менее, когда иностранному инвестору приходится выбирать между двумя или тремя альтернативными местами для конкретной инвестиции, и они имеют примерно равные преимущества, страна, в которой действует эффективный закон о конкуренции, может оказаться в предпочтении.

Чтобы гарантировать, что развивающаяся страна в полной мере получает выгоду от прямых инвестиций, государственная политика в этой области должна соответствовать целям законодательства о конкуренции. Иногда, чтобы привлечь крупные иностранные инвестиции со стороны ТНК, национальное или местное правительство может предложить этой корпорации эксклюзивные права на поставку своих товаров и услуг государственным органам. Он может даже согласиться с тем, что ни одна другая фирма не получит одобрения для выхода на данный рынок. Такие стимулы, очевидно, являются антиконкурентными, и ключевой вопрос заключается в том, должны ли цели конкурентной политики «перевешиваться» в определенных обстоятельствах экономическими выгодами, которые могут принести прямые иностранные инвестиции [152].

Законодательство и политика в области конкуренции предназначены для регулирования антиконкурентного поведения компаний, тогда как дерегулирование направлено на минимизацию вмешательства государства в рыночные процессы. Регулирование предназначено для контроля поведения фирм в секторах, где рыночные сбои широко распространены и где мы не можем полагаться только на конкуренцию. Регулирование может преследовать различные цели. Экономическое регулирование, социальное регулирование, регулирование в области охраны окружающей среды, здоровья и безопасности относятся к числу основных категорий государственного вмешательства, которые могут оказывать влияние на рынок и могут препятствовать достижению целей конкуренции.

Регуляторная политика может стать барьером для конкуренции, когда меры, принимаемые администрациями штатов (например, центральным или федеральным правительством, местными органами власти) или органами, имеющими правительственную делегацию, предотвращают или препятствуют эффективной конкуренции, например, лицензируя ограничения на инвестиции для нового входа, и привести к потере в благосостоянии. Такие меры можно найти в таких разнообразных видах деятельности, как телекоммуникации, финансовые услуги (банковские и страховые услуги), профессиональные бизнес-услуги (бухгалтерский учет, юристы, архитекторы и т. д.), и энергетическом секторе (электричество, газ), о чем свидетельствует большое количество литературы. Эти меры могут негативно повлиять на выход на рынок и его функционирование и принимают самые разные формы, такие как:

- ограничения конкуренции, то есть путем введения необычных норм и стандартов, составляющих барьеры для входа на рынок, или путем предотвращения конкуренции иностранных фирм на национальном рынке;
- исключение из законов о конкуренции определенных видов деятельности из сферы действия и охвата законов о конкуренции;
- создание искажений для конкуренции, таких как искусственное вмешательство исполнительной власти, изменяющее конкурентные позиции определенных фирм (например, путем принятия произвольных решений о политике государственных закупок).

Нормативные барьеры для конкуренции не только связаны с выходом на рынок, но также могут препятствовать выходу из рынка, например, посредством государственного субсидирования или предоставления или продления монопольных прав. Кроме того, они могут затруднить распределение ресурсов из одного сектора или сегмента рынка в другой. Их можно считать препятствиями для мобильности, которые препятствуют переводу ресурсов в более эффективные сектора или сегменты и которые

в конечном итоге снижают эффективность распределения ресурсов (UNCTAD, 2001a).

Сознавая потенциальный конфликт целей между регулированием и конкуренцией, большинство развивающихся стран приняло реформы регулирования, направленные на обеспечение того, чтобы нормативные акты лучше служили общественным интересам и усиливали конкуренцию на рынке. Эти реформы были внедрены в таких отраслях, как связь, транспорт, водоснабжение и канализация, сельское хозяйство, а также финансовые и профессиональные услуги. Они включали приватизацию и либерализацию ограничений на вход на рынок, а также имели отношение к ценам и деловой практике, обязательствам по универсальному обслуживанию, хотя между странами и отраслями существуют важные различия. Одной из основных целей этих реформ было расширение возможностей рынков для распределения ресурсов и повышения общего благосостояния потребителей и экономической эффективности. Учитывая эти соображения, существует четкая взаимосвязь между законодательством о конкуренции и политикой, дерегулированием и благосостоянием потребителей. Часто необходимо сделать публичный выбор между расширением экономического регулирования и защитой прав потребителей в соответствии с законами о конкуренции, чтобы избежать потенциального конфликта между этими двумя политиками и содействовать благосостоянию потребителей.

Агентства по вопросам конкуренции в равной степени заинтересованы в реформах регулирования, и многие из них играют и продолжают выполнять важные функции по защите интересов и защите прав потребителей в процессе реформы регулирования. Агентства по вопросам конкуренции также сыграли важную роль в привлечении внимания к тому, как регулирование неоправданно ограничивает конкуренцию и как часть решения этой проблемы может заключаться в универсальном применении общего законодательства о конкуренции. Опыт многих стран показывает успех в устранении некоторых из жестких ограничений конкуренции в регулируемых секторах. Однако несмотря на значительный прогресс в пропаганде конкуренции и обеспечении соблюдения

законов о конкуренции, о котором сообщили многие страны, изменения в затронутых секторах происходят относительно медленно (UNCTAD, 2001b).

С точки зрения структуры рынка, с антимонопольными органами следует консультироваться, когда процесс регулятивной реформы проводится в рамках программы приватизации. Им должны быть предоставлены юридические полномочия налагать меры по продаже активов на существующие монополии или контролировать или запрещать слияния, которые подрывают структуры конкурентного рынка. Если им не предоставляются такие полномочия, например, из-за нехватки людских ресурсов, им следует предоставить возможность предлагать меры по продаже активов или контроль за слияниями исполнительному органу, который обладает этими полномочиями [152].

Тем не менее, очевидно, что доминирующая схема распределения ролей между агентствами по конкуренции и регулируемыми органами редко бывает такой, когда органы по вопросам конкуренции просто заменяют регулирующие органы. Даже в Великобритании, где когда-то надеялись, что свободная конкуренция заменит все регулирование в телекоммуникационном секторе, мы по-прежнему видим мощный отраслевой регулятор. Распределение ответственности между антимонопольными органами и регулируемыми органами оказалось сложным для согласования в развивающихся странах. Опыт показывает, что существует реальная опасность захвата, когда регулятором является только одна или несколько крупных фирм в качестве «клиентов» (CUTS, 2003; Tirole, 1999).

Исследования этих отношений показывают, что конкурентный процесс может быть соответствующим образом стимулирован вмешательством антимонопольных органов, когда фирмы в регулируемом секторе злоупотребляют своими привилегиями в ущерб интересам потребителей и эффективности фирм, которые пользуются их регулируемыми услугами. Опыт, накопленный до настоящего времени, свидетельствует о том, что во многих секторах существуют конкретные режимы регулирования, и не существует единой модели взаимоотношений между отраслевыми

регулирующими органами и органами по вопросам конкуренции между странами или иногда даже внутри страны. Однако одна конкретная модель – «подход с разделением труда по мандату» – кажется несколько более распространенной, чем другие. По крайней мере, ясно, что отраслевые регуляторы должны быть отделены от регулируемых фирм или организаций и должны брать на себя обязательства в отношении подотчетности и независимости от исполнительной ветви власти. Также необходимо провести институциональные изменения, чтобы гарантировать их независимость (UNCTAD, 2001a) [145].

Конкуренция однозначно важна в неоклассической экономической теории. Это вытекает из убеждения, что конкурентные рынки предоставляют потребителям более широкий выбор и более низкие цены, а также дают продавцам более сильные стимулы для минимизации своих затрат и устранения отходов. Кроме того, на конкурентных рынках фирмам необходимо внедрять инновации и быстро адаптироваться к меняющимся обстоятельствам, создавая таким образом динамическую эффективность. Конкуренция также побуждает фирмы сокращать расходы для потребителей и лучше удовлетворять их конкретные предпочтения.

Достаточные эмпирические данные подтверждают эти теоретические аргументы. Например, Nickell (1996) в исследовании 670 британских компаний обнаружил, что рыночная власть (оцениваемая по высокой доле рынка) привела к снижению уровня производительности и что возросла конкуренция (измеряемая увеличением числа конкурентов или снижением уровня прибыли), что связано с более высокими темпами роста совокупного фактора производительности. Более того, в межстрановом исследовании (100 стран за период 1986–1995 гг.), использующем антимонопольную политику в качестве основного показателя интенсивности конкуренции, Dutz и Nayri (1999) показывают, что конкуренция оказывает положительное влияние на рост в развитых и развивающихся странах. Ки и Хукман (2003) изучили влияние политики в области конкуренции на размер прибыли и пришли к выводу, что государственная политика, направленная на облегчение въезда и выезда фирм, может оказать существен-

ное влияние на отрасль. Tубout (1998) показывает, что наивное представление о том, что экономики развивающихся стран демонстрируют гораздо меньший вход и выход фирм по сравнению с развитыми странами, было бы неверным: тем не менее, приводимые им данные указывают, например, на то, что в Тайване половину роста производительности за 1 год можно объяснить тем, что более эффективные фирмы заменяют менее эффективные.

Преимущества конкуренции могут оцениваться на основе данных, касающихся последствий сговора или концентрации, и, наоборот, влияния применения политики конкуренции или дерегулирования на производительность, цены, размер прибыли, постоянство прибыли, гибкость или корректировку скорость цен или прибыли, стимулы для технологических инноваций, благосостояние потребителей и производителей, экономический рост и конкурентоспособность в международной торговле. Некоторые из эффектов конкуренции трудно измерить, поскольку существует недостаток данных, и большая часть доказательств неубедительна, неоднозначна или чрезмерно агрегирована. Иногда в некоторой степени существуют компромиссы между конкуренцией, статической эффективностью и динамической эффективностью. Тем не менее, имеющиеся данные широко подтверждают преимущества конкуренции. Существует также нехватка данных о последствиях применения политики в области конкуренции и пропаганды конкуренции. Однако, все еще есть свидетельства того, что применение политики в области конкуренции оказало воздействие как в отдельных случаях, так и путем сдерживания, помогая создать благоприятный климат для конкуренции. Вместе с тем, для поддержания такого климата необходимо приложить усилия по повышению эффективности правоприменения. Кроме того, дерегулирование было бы более эффективным, если бы было подкреплено политикой в области конкуренции.

Из-за этих трудностей существует мало исследований *ex post*, которые количественно оценивают влияние антимонопольного законодательства. Тем не менее, опросы в Соединенных Штатах показали, что снижение цен, как правило, происходит в самом начале расследования, до фактического возбуждения дела.

Даже в тех случаях, когда с фирм, проводивших расследование с целью установления цен, плата не взимается, цены могут быть снижены, и цены с поправкой на тренд могут оставаться ниже своих уровней предварительного расследования в течение значительного времени после прекращения дела об установлении цены (Feinberg, 1984). Подобные ответы на случаи конкуренции были найдены в исследовании временных рядов индексов цен производителей для 10 продуктов с середины 1950-х до середины 1980-х годов, когда Европейская комиссия и/или Федеральное управление по картелям Германии (FCO) обнаружили, что конкурентные практики имели место (Feinberg, 1986). Однако во многих развивающихся странах преимущества политики в области конкуренции еще не проявились, поскольку их соблюдению препятствовали нехватка ресурсов, надежных данных или достаточной информации о производственных затратах, долях рынка и поведении потребителей. Однако во многих случаях антимонопольные органы играют важную роль в разработке политики либерализации, приватизации и дерегулирования, обеспечивая, чтобы их цели стимулировали рост.

Несмотря на такое растущее свидетельство преимуществ принятия закона и политики в области конкуренции, разрыв между допущениями в теории и реалиями во многих развивающихся и даже развитых странах по-прежнему сохраняется. Было высказано несколько возражений относительно целей конкурентной политики. Была выражена обеспокоенность в связи с тем, что в программах реформ упор делается на три основных принципа. Во-первых, утверждается, что политика в области конкуренции не позволяет государственным органам адекватно действовать по усмотрению в отношении других политик развития, в частности промышленной политики или стратегических торговых политик. Однако в принципе промышленная политика не обязательно противоречит конкурентной политике [145]. Фактически, некоторые экономисты считают, что промышленная политика является одним из основных элементов широкой политики в области конкуренции, в отличие от законодательства о конкуренции, и даже наоборот. Сингх (2002) утверждает, что разумная промышленная политика

должна включать поощрение конкуренции, хотя он и утверждает, что развивающимся странам может также потребоваться политика для поощрения сотрудничества между фирмами в некоторых областях. Неадекватная институциональная инфраструктура, низкий уровень исследований и разработок, ограниченный доступ к капиталу, неэффективные распределительные сети – все это требует политики, которая создаст «конкурентоспособную» инфраструктуру, которая не может быть обеспечена только рынком. В таких обстоятельствах ненавязчивая промышленная политика с четко определенными экономическими критериями может дополнять широкие рамки политики в области конкуренции и способствовать росту и развитию. Конкурентная политика повсеместно содержит исключения и специальные положения. Например, в рамках ЕС политика в области конкуренции обязана содействовать развитию малых и средних предприятий. Фактически можно утверждать, что это неотъемлемый элемент в поощрении конкуренции и разнообразия. Во-вторых, утверждается, что эффективный вклад в экономическую эффективность относительно невелик. В-третьих, противники политики в области конкуренции утверждают, что она придает слишком большое значение эффективности по сравнению с другими общественными целями, такими как защита окружающей среды, распределение доходов и т. д. Однако мы видим, что законодательство о конкуренции Южной Африки может принимать во внимание социальные цели. Интересно, что, как представляется, власти редко, если вообще когда-либо, находили, что поощрение конкуренции вступало в противоречие с необходимостью содействовать благосостоянию исторически обездоленных людей [145].

В частности, были высказаны опасения по поводу «сдерживающего воздействия политики в области конкуренции на другие стратегии развития, а основные дискуссии были посвящены потенциальному конфликту между политикой в области конкуренции, с одной стороны, и стратегической торговой и промышленной политикой, с другой. Стратегическая торговая политика выдвигает убедительный аргумент в пользу временной защиты, предполагая, что развитие требует современных технологий, которые необходимо приобретать и культивировать, и что обучение

на практике должно происходить в пределах национальных границ и защищаться от импортной конкуренции. Примеры успешной промышленной политики можно найти в прошлой и недавней истории, особенно в Восточной Азии. Чтобы такая политика была успешной, правительства должны иметь возможность определять стратегически важные отрасли промышленности и некоторые фирмы, которые могут выступать в роли «национальных лидеров» после того, как этап обучения будет выполнен при содействующем финансировании и защите. Однако, несмотря на ряд успешных примеров, систематической положительной связи между размером фирмы и прибылью, экспортной деятельностью или исследованиями и разработками обнаружено не было, и можно привести такое же большое количество пресловутых провалов промышленной политики. Действительно, даже если бы мы могли показать, что в прошлом правительства могли выбирать победителей, игнорируя, по общему признанию, весьма несовершенный процесс естественного отбора рынка, чтобы помочь им, мы не могли быть уверены, что такой процесс сработает сегодня, даже в Корее (глава 1), не говоря уже о других странах с меньшими возможностями.

Поэтому неудивительно, что различные школы экономической мысли имеют крайне противоречивые взгляды на актуальность и содержание конкурентной политики в развивающихся странах. В частности, развивающиеся страны находятся даже дальше, чем развитые страны, от этого идеального теоретического мира в отношении того, насколько хорошо работают правительства и рынки. Пол Кругман писал о «более грустном, но более мудром случае свободной торговли в мире, политика которого несовершенна по сравнению с его рынками» (Кругман, 1987). Мы можем заменить слово конкуренция» на слово «торговля». Текущие дискуссии по этим вопросам указывают на тот факт, что основным вопросом политики, который необходимо решить, является не «Политика в области конкуренции: иметь или не иметь?» а скорее «Как максимизировать ожидаемые выгоды от конкуренции с учетом существующей политики и экономических ограничений?».

Дискуссии, проведенные на различных форумах, уже выявили ряд случаев, когда слишком узкое определение целей конкурентной политики может иметь пагубные последствия для развивающихся стран» [145].

Важный парадокс заключается в том, что «содействие прозрачности рыночных сделок может нанести ущерб конкуренции, позволяя компаниям продавать по высоким ценам посредством молчаливого сговора. Аналогичным образом, стремление к очень высоким стандартам качества для продуктов, чтобы гарантировать, что потребители получают продукты хорошего качества, может подвергаться риску того, что такие стандарты ограничат динамичную конкуренцию. Чрезмерная конкуренция может также негативно повлиять на стабильность малых и средних предприятий. Отмена регулирования процентных ставок и быстрое проникновение новых банков на небольшие рынки могут привести к «чрезмерной» конкуренции, которая вынуждает банки делать рискованные инвестиции, чтобы повысить свою маржу, иногда с дестабилизирующим эффектом для всей финансовой системы. Чрезмерная конкуренция была также упомянута в качестве одного из факторов, способствующих снижению цен на сырьевые товары.

Несмотря на эти аргументы, вряд ли можно считать, что «перегибы» конкуренции превосходят негативные аспекты, связанные с отсутствием конкуренции. Фактически, существует все больше эмпирических данных, свидетельствующих о том, что «в целом рост конкуренции ведет к росту инноваций и ускорению роста производительности, а также что существует тесная взаимосвязь между эффективностью конкурентной политики и ростом. Такой анализ позволяет предположить, что влияние конкуренции на рост выходит за рамки либерализации торговли, общего качества институциональной системы и в целом благоприятных политических условий. Тем не менее, эта связь не одинаково сильна во всех странах. Это наблюдение предостерегает нас от чрезмерной упрощенности в продвижении важности конкурентной политики как основного и независимого фактора долгосрочного роста. Конкурентная политика является сложным, сквозным инструмен-

том политики, на который влияет ряд связанных факторов. Сбои в общей инфраструктуре, которые необходимы эффективной конкурентной политике для их применения, очевидно, уменьшат ожидаемые выгоды, вытекающие из принятия конкурентной политики и законов на национальном уровне. Поскольку ряд развивающихся стран по-прежнему борется с недостатками своей общей институциональной инфраструктуры, необходимо найти надлежащий баланс между целями и разумными достижениями конкурентной политики в развивающихся странах.

Однако эти очень специфические трудности с реализацией делают аргумент в пользу конкурентной политики в развивающихся странах действительно более сильным. Этот аргумент становится более ясным, если осознать, что факторы, способствующие сговору, хищническим стратегиям, концентрации рынка (такие как слабые кредитные рынки, высокие входные барьеры и наличие ограничений по мощности), вероятно, будут более важными в развивающихся странах. Поэтому разработка набора простых и прозрачных правил конкурентной политики для развивающихся стран, в частности в отношении горизонтального сговора и злоупотребления доминирующим положением, остается достойной задачей. Оптимизация использования ограниченных людских и материальных ресурсов для целей регулирования также имеет решающее значение. Кроме того, агентство по вопросам конкуренции будет ценно за его образовательную роль в защите социальных преимуществ честной конкуренции.

3.2. Совершенствование антимонопольной политики в Кыргызской Республике

Для обеспечения устойчивого и инклюзивного роста и развития необходим комплекс эффективных стратегий, в которых должны учитываться специфические, экономические, социальные и экологические условия конкретной страны. Для содействия обеспечению устойчивого развития, которое включает в себя экономическую, социальную и экологическую составляющие процессов развития, в состав такого комплекса стратегий долж-

ны входить торговая, экономическая, социальная и экологическая политики. При надлежащей разработке и эффективной реализации политика в области конкуренции служит еще одним инструментом, дополняющим эти стратегии в деле обеспечения устойчивого и инклюзивного роста.

Важно определить, каким образом политика в области конкуренции может лучше всего способствовать устойчивому и инклюзивному развитию. Для этого процесс разработки политики в области конкуренции должен основываться на принципе широкого участия, и в него должны быть вовлечены все заинтересованные стороны, в том числе представители соответствующих министерств и других учреждений, потребителей и деловых кругов, научного сообщества и гражданского общества. Это позволит максимально учесть при разработке политики проблемы, поднятые заинтересованными сторонами. Вместе с тем необходимо отметить, что «политика в области конкуренции может косвенно и в определенных пределах решать другие стратегические задачи» [148].

Политика в области конкуренции может содействовать устойчивому и инклюзивному развитию, в частности, за счет определения приоритетных секторов, которые имеют ключевое значение для экономики и малоимущих слоев населения. Это позволило бы органам по вопросам конкуренции направить свои основные ресурсы на противодействие потенциальному использованию антиконкурентной практики в этих приоритетных секторах. Например, если в рамках такой политики сельское хозяйство будет включено в число приоритетных секторов, это может позволить устранить антиконкурентную практику в этом секторе и тем самым обеспечить справедливые цены для потребителей и производителей и, следовательно, повысить их уровень жизни.

Кроме того, выделение сельского хозяйства в качестве приоритетного сектора в рамках политики в области конкуренции и, следовательно, в рамках применения антимонопольного законодательства могло бы способствовать устойчивому развитию. Учитывая, что большая часть малоимущего населения развивающихся и наименее развитых стран живет в сельских районах

и зарабатывает на жизнь за счет сельского хозяйства, со временем это может способствовать сокращению масштабов нищеты за счет повышения производительности и доходов мелких фермеров. Эффективная политика в области конкуренции может облегчить доступ мелких фермеров к таким сельскохозяйственным ресурсам, как удобрения, семена и агрохимикаты. Аналогичным образом наличие конкурентных рынков в последующих звеньях производственно-технологической цепочки могло бы стимулировать производство в стране сельскохозяйственных товаров с более высокой добавленной стоимостью [147].

Ввиду комплексного характера сельского хозяйства в отношении него в законодательстве в области конкуренции и других отраслевых законах часто предусмотрен особый режим. Сельское хозяйство включает в себя экономические виды деятельности, которые имеют социальную и экологическую составляющие. Как в развитых, так и в развивающихся странах этот сектор дает средства к существованию значительной части населения. Кроме того, в рамках политики в области конкуренции особое внимание следует уделять более слабым переговорным позициям мелких фермеров по сравнению с поставщиками таких ресурсов, как удобрения и агрохимикаты, а также с покупателями их продукции. Для устранения такого дисбаланса фермеры создают кооперативы, которые способны помочь в сборе, обработке и сбыте их продукции; согласовании цен с покупателями от их имени; приобретении ресурсов по более низким ценам; а также в получении кредитов и других финансовых услуг. В одном из исследований ЮНКТАД по вопросам сельскохозяйственного развития Мексики, в котором приводится анализ аспектов конкуренции в области производства и сбыта кукурузы в Мексике, рекомендуется укрепить существующие ассоциации или кооперативы мелких производителей кукурузы и поддерживать создание новых ассоциаций и кооперативов для достижения более сбалансированного соотношения сил на переговорах с покупателями, а также для выравнивания конкурентных позиций с крупными производителями кукурузы.

Во многих национальных законах и нормах в области конкуренции и сельского хозяйства предусмотрены отступления от антимонопольных правил для сельскохозяйственного сектора. В Европейском союзе нормы по вопросам конкуренции применяются в отношении всей цепи продовольственного снабжения от производства сельскохозяйственной продукции до розничной торговли. Нормы по вопросам конкуренции в отношении сельскохозяйственной продукции установлены в Постановлении 1308/2013, известном как Постановление об организации общего рынка и предусматривающем некоторые изъятия. Эти изъятия позволяют фермерам заключать соглашения о сотрудничестве, которые направлены на повышение эффективности их работы и укрепление их позиций на переговорах с покупателями, при условии что они не будут исключать конкуренцию, препятствовать достижению целей общей сельскохозяйственной политики или не допускать ценового сговора. Изъятия распространяются также на вертикальные соглашения между фермерами, с одной стороны, перерабатывающими и оптовыми предприятиями – с другой, при соблюдении определенных условий. После изменения в 2013 г. Общей сельскохозяйственной политики были введены новые нормы конкуренции для сельскохозяйственного сектора. Эти нормы позволяют производителям оливкового масла, говядины, телятины и некоторых сельскохозяйственных культур совместно продавать/коммерциализировать свою продукцию через организации производителей при соблюдении определенных условий, в том числе при повышении эффективности производства и соблюдении определенных пороговых ограничений по объемам продукции, поставляемой через эти организации [148].

Политика в области конкуренции является важнейшим видом политики и дополняет другие государственные стратегии, направленные на обеспечение устойчивого и инклюзивного роста и развития. Что касается экологического аспекта устойчивого развития, то никто не станет отрицать необходимость проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и создания экологических инноваций и технологий. Политика в области конкуренции может разрабатываться таким образом, чтобы

содействовать развитию таких видов деятельности, а экологическая политика может обеспечивать стимулы для экологически безопасных производственных процессов, «зеленых» секторов и продуктов. Вместе с тем такие меры политики или стимулы не должны ни служить механизмами скрытого протекционизма, ни излишне подрывать конкуренцию на рынке. Одна из целей политики в области конкуренции – обеспечить эффективное и оптимальное функционирование рынков, так как они имеют ключевое значение для стимулирования инновационной деятельности и развития новых технологий. Поэтому некоторые страны признают, что эффективная экологическая политика должна предусматривать четкое проведение политики в области конкуренции, в соответствии с которой компании не могут злоупотреблять своим положением на рынке или душить конкуренцию для стимулирования новых инноваций; не допускаются антиконкурентные слияния в интересах инноваций; но при этом не создаются препятствия для горизонтального или вертикального взаимодействия между компаниями в целях осуществления совместной деятельности в области НИОКР и экоинноваций.

В Южной Африке политика в области конкуренции являлась частью реформ, проведенных в целях корректировки традиционной экономической структуры, где отмечалась высокая степень концентрации корпоративной собственности и контроля, а также для содействия инклюзивному росту. Политика в области конкуренции считалась важным средством расширения участия компаний чернокожих владельцев в экономике. Важное значение конкуренции было отмечено также в Государственной программе по ускорению инклюзивного роста в Южной Африке.

Кроме того, положения законодательства в области конкуренции Южной Африки о критериях, используемых для применения изъятий в отношении определенных деловых соглашений или видов практики, свидетельствуют о взаимодополняемости политики в области конкуренции и промышленной политики.

В Законе Кыргызской Республики «О конкуренции» [14] указано, что изъятия применяются, если соответствующее соглашение или соответствующая практика способствуют: 1) поддержке или

стимулированию экспорта, расширению возможностей малых предприятий или компаний, подконтрольных или принадлежащих лицам, исторически находящимся в неблагоприятном положении, стать конкурентоспособными изменению производственного потенциала, необходимому для прекращения спада в той или иной отрасли, поддержанию экономической стабильности в отрасли, указанной министром, после проведения консультаций с министром, отвечающим за эту отрасль.

Аналогичным образом политика в области конкуренции дополняла промышленную политику в Японии и Республике Корея в период их экономического роста и развития. В обеих этих странах механизм применения законодательства в области конкуренции и учреждения по вопросам конкуренции был тесно связан с национальной промышленной политикой. Комиссия по добросовестной конкуренции Республики Корея поддерживала тесные связи с Советом по экономическому планированию, в состав которого она входила до 1994 года. Кроме того, конкуренция между компаниями была частью важной национальной стратегии и была призвана способствовать достижению целей промышленного развития. Эта стратегия оказала существенное влияние на инвестиционные и производственные решения компаний. Динамичные процессы в области конкуренции играли дисциплинирующую роль и способствовали повышению конкурентоспособности крупных корпоративных групп в Республике Корея. Это свидетельствует о важном значении политики в области конкуренции для проведения структурных экономических преобразований, необходимых для достижения целей устойчивого развития.

Политика в области конкуренции не только обеспечивает свободную конкуренцию, но и может укрепить добросовестную конкуренцию. Законодательство в области конкуренции направлено на устранение антиконкурентной практики, но необязательно недобросовестной деловой практики. Это касается прежде всего договорных отношений между малыми и средними предприятиями (МСП) и крупными компаниями. МСП могут быть уязвимыми в отношениях с крупными компаниями, учитывая более сильные переговорные позиции последних.

В условиях возрастающей глобализации мировой экономики развивающиеся страны и страны с переходной экономикой сталкиваются с множественными вызовами. Производство во многих секторах осуществляется в рамках глобальных производственно-сбытовых цепей, в которых доминирующие позиции занимают крупные многонациональные компании, их филиалы и субподрядчики. В глобальных производственно-сбытовых цепях отмечается возрастающая концентрация в результате горизонтальных и вертикальных слияний крупных транснациональных корпораций или поглощения ими менее крупных национальных компаний. В этих вертикально интегрированных глобальных производственных секторах с высокой степенью концентрации местные МСП вынуждены противостоять очень крупным предприятиям, имеющим сильные переговорные позиции. Местные МСП не обладают достаточным весом на переговорах и поэтому находятся в невыгодном положении, не позволяющем им добиваться справедливых цен или договорных условий для своей продукции или услуг в рамках «вертикальных отношений» с крупными компаниями.

Так как ключевые экспортеры и их поставщики в рамках глобальных производственно-сбытовых цепочек часто являются транснациональными корпорациями, вызывает беспокойство то, что добавленная стоимость, создаваемая иностранными филиалами в развивающихся странах, не позволяет получить такие же экономические выгоды, как добавленная стоимость, создаваемая местными компаниями. Это происходит потому, что иностранные филиалы могут репатриировать свои доходы, полученные за счет добавленной стоимости. Почти две трети доходов от глобальных прямых иностранных инвестиций репатриировались и лишь одна треть удерживалась в принимающих странах. В зависимости от характера участия иностранных филиалов в глобальных производственно-сбытовых цепочках в принимающих странах эта доля может в определенной степени меняться. С учетом этого развивающиеся страны могут пожелать защитить свои местные МСП от злоупотреблений сильными переговорными позициями крупных предприятий. Эту проблему можно решить благодаря политике в области конкуренции, если сделать в ней акцент

не только на свободной, но и на добросовестной конкуренции и предусмотреть в ней меры по защите МСП от злоупотреблений более сильными переговорными позициями со стороны крупных отечественных и транснациональных предприятий в случае таких несбалансированных отношений. Это имеет важнейшее значение для справедливого распределения выгод, получаемых от глобализации, и обеспечения устойчивого и инклюзивного роста и развития.

Законы о конкуренции и законы о борьбе с недобросовестной конкуренцией являются двумя основными элементами политики в области конкуренции. И те, и другие направлены на защиту конкуренции и поэтому могут считаться частью базового законодательства по вопросам конкуренции. Хотя в законах о конкуренции и законах о борьбе с недобросовестной конкуренцией основное внимание уделяется разным аспектам, т. е. соответственно «свободной» и «добросовестной конкуренции», и те, и другие призваны стимулировать конкуренцию. Конкуренция может быть эффективной, лишь если на ней не отражаются не только свои рыночные механизмы, но и недобросовестная деловая практика. В отличие от злоупотребления рыночным влиянием, проблему злоупотребления переговорными позициями нельзя решить за счет законодательства в области конкуренции. Злоупотребление переговорными позициями возникает, когда одна сторона использует в своих интересах свою более сильную позицию на переговорах с другой стороной и применяет недобросовестную практику по сравнению с обычной деловой практикой, в частности за счет:

- 1) установления или изменения условий сделки, которые ставят другую сторону в неблагоприятное положение;
- 2) установления невыгодных для другой стороны условий самой сделки или ее выполнения;
- 3) установления несправедливых и неоправданно долгих сроков оплаты за поставленные товары или предоставленные услуги;
- 4) установления несправедливых и необоснованных условий возвращения товаров;
- 5) неправомерной дискриминации.

В соответствии с законодательством в области конкуренции, необходимым условием для злоупотребления доминирующим положением является наличие у какой-либо компании существенного влияния на соответствующем рынке. Это условие является необходимым, но недостаточным для доказательства факта злоупотребления. В отличие от злоупотребления доминирующим положением для злоупотребления переговорными позициями компании не обязательно занимать доминирующее положение на рынке, необходимо обладать бóльшим весом на переговорах по сравнению с другой стороной, с которой установлены деловые отношения. Согласно докладу Международной сети по вопросам конкуренции, к критериям, используемым рядом стран для установления факта злоупотребления более сильными переговорными позициями, относятся:

- 1) степень торговой зависимости между двумя компаниями;
- 2) вероятность найти альтернативного торгового партнера;
- 3) факторы спроса и предложения какого-либо продукта или услуги;
- 4) разница в объемах деловых операций между сторонами;
- 5) положение злоупотребляющей компании в соответствующей отрасли.

С точки зрения последствий для рынков, в случае выполнения требований в отношении позиции и поведения соответствующая практика считается нарушением положений о злоупотреблении более сильными переговорными позициями, так как она, как правило, не ограничивает конкуренцию на конкретном рынке, а подрывает добросовестную конкуренцию.

Из-за того, что для оценки случаев злоупотребления доминирующим положением и злоупотребления переговорными позициями применяются разные критерии, в большинстве случаев стандартных положений законодательства по вопросам конкуренции недостаточно для решения этой проблемы. Поэтому, если законодательство в области конкуренции не содержит особых положений по этому вопросу, необходимо разработать дополнительные нормы или закон в отношении добросовестной конкуренции. Она могла бы способствовать достижению целей инклюзивного роста

и развития путем улучшения условий ведения бизнеса для МСП и обеспечения их справедливого участия в экономике.

В тех странах, где экономическое влияние сконцентрировано в руках нескольких корпоративных групп, законодательство в области конкуренции может, с одной стороны, расширить возможности участия менее привилегированных экономических субъектов в конкуренции и, с другой стороны, установить правила добросовестной и свободной конкуренции. Япония и Республика Корея решили эту проблему путем включения положений о добросовестной конкуренции в свои законы и принятия соответствующих мер для защиты интересов малых предприятий, особенно при заключении субподрядных договоров с крупными предприятиями. В Республике Корея Закон о регулировании монополий и добросовестной конкуренции позволяет восстановить баланс в позициях сторон на переговорах путем введения запрета на «сделки, заключаемые в условиях злоупотребления более сильными переговорными позициями» (пункт 1) 4) статьи 23). Кроме того, Комиссия по добросовестной конкуренции Республики Корея призвана гарантировать добросовестное осуществление сделок между крупными компаниями и МСП путем обеспечения соблюдения вступившего в силу в 1984 году Закона о добросовестных сделках в рамках субподряда. В этой связи Комиссия по добросовестной конкуренции Республики Корея предоставляет консультации и помощь МСП, чтобы не допустить заключения субподрядных договоров на несправедливых коммерческих условиях. От более сильных переговорных позиций крупных компаний-партнеров страдают не только МСП. С аналогичной проблемой сталкиваются также мелкие фермеры как в развитых, так и в развивающихся странах. Ее можно решить, позволив фермерам создавать кооперативы. Кроме того, в законодательство в области конкуренции можно включить особые положения о борьбе с злоупотреблением влиянием покупателей. Для этого в законодательстве в области конкуренции основной упор необходимо сделать на защите конкуренции на всех уровнях. Такого традиционного аргумента, как защита благосостояния или интересов потребителей, может быть недостаточно для обоснования любых мер по борьбе с злоупотреблением влиянием покупателей,

которое негативно отражается на мелких сельскохозяйственных производителях, но не обязательно наносит ущерб потребителям. Кроме того, для того чтобы органы по вопросам конкуренции могли преследовать за злоупотребление влиянием покупателей, законодательство в области конкуренции должно запрещать такую практику и устанавливать критерии, аналогичные критериям в отношении злоупотребления доминирующим положением, и касающиеся того, как выявить влияние покупателей и оценить, имеет ли место злоупотребление таким влиянием.

Вместе с тем необходимо отметить, что «случаи злоупотребления рыночным влиянием крайне сложно доказать на практике. Поэтому законодательство в области конкуренции не следует считать единственным и наилучшим способом решения проблемы злоупотребления влиянием покупателей. Необходимо разработать другие стратегии и механизмы устранения таких перекозов и оказания поддержки мелким фермерам.

В ряде законов о конкуренции положения об общественных интересах содержатся в разделах, касающихся целей, изъятий и контроля за слияниями. Такие положения дают судебным органам определенную свободу в оценке последствий соответствующей практики не только для конкуренции, но и для занятости, конкурентоспособности МСП, а также доступа к рынкам и расширения прав и возможностей граждан. Одна из целей Закона Республики Корея о регулировании монополий и добросовестной конкуренции касается обеспечения «сбалансированного экономического развития». В Законе Южной Африки о конкуренции указано, что его цель заключается в поощрении и поддержке конкуренции в стране для стимулирования экономического развития и занятости; улучшения социального и экономического благосостояния жителей Южной Африки; предоставления МСП равных возможностей участвовать в экономической деятельности; а также для содействия более активному распространению собственности, в частности для увеличения долей собственности исторически находящихся в неблагоприятном положении лиц. Для достижения последних двух целей южноафриканские органы по вопросам конкуренции должны играть важную роль в обеспечении

инклюзивного роста и развития. Точно так же в статье 1 Антимонопольного закона Китая указано, что одна из его целей заключается в защите общественных интересов.

В соответствии с законами о конкуренции Ботсваны, Венгрии, Замбии, Китая, Намибии, Польши и Южной Африки, такой критерий, как защита общественных интересов, учитывается при оценке последствий слияний для конкуренции. Вместе с тем эти положения об общественных интересах, как правило, имеют меньшее значение, чем проводимый властями анализ экономической эффективности и влияния на конкуренцию.

Запреты многих законов о конкуренции не распространяются на некоторые виды антиконкурентной практики. Предусмотренные в этих законах изъятия могут иметь секторальный или несекторальный характер. В отношении такой отрасли, как сельское хозяйство, применяется особый режим, предусмотренный антимонопольными и отраслевыми законами и нормами. В соответствии с законодательством в области конкуренции неотраслевые изъятия действуют в отношении деловых соглашений или видов практики, направленных на обеспечение экономического прогресса, в том числе путем создания или сохранения рабочих мест, а также на обеспечение потребителям справедливой доли создаваемых благодаря этому благ без предоставления при этом соответствующим предприятиям возможности устранить конкуренцию на существенной части товарного рынка.

Европейский союз предусматривает такое изъятие из перечня запретов, изложенных в пункте 1 статьи 101 Договора о функционировании Европейского союза. В нем указано, что предусмотренные Договором запреты не распространяются ни на какие соглашения между компаниями, «которые способствуют совершенствованию производства или распределения товаров или стимулируют технический или экономический прогресс, позволяя при этом потребителям воспользоваться справедливой долей получаемых в результате благ, и которые: а) не налагают на соответствующие предприятия ограничения, не являющиеся необходимыми для достижения поставленных целей; б) не дают таким предприятиям возможности устранить конкуренцию в отноше-

нии существенной части соответствующих товаров». Это изъятие может распространяться на соглашения о НИОКР, благодаря которым инновационная деятельность могла бы способствовать защите окружающей среды, или на соглашения, направленные на стимулирование производства и распространение экологических продуктов.

Можно утверждать, что то, каким образом толкуются и применяются предусмотренные в антимонопольном законодательстве изъятия, может также помешать заключению соглашений, которые в принципе могли бы способствовать достижению целей устойчивого развития за счет более оптимального использования природных ресурсов или более эффективной охраны окружающей среды. Это связано с тем, что «крайне сложно найти баланс между возможной утратой определенной доли благосостояния потребителей в результате таких соглашений, с одной стороны, и потенциальными успехами, которых можно добиться в области устойчивого развития, с другой стороны. Поэтому разрешения и изъятия могут быть сформулированы в законодательстве в области конкуренции и применяться таким образом, чтобы можно было оценивать влияние деловых соглашений или видов практики на устойчивое развитие, в том числе на охрану окружающей среды, стимулирование экологических инноваций или производство и продажу экологических продуктов и т. д. Для этого, возможно, необходимо надлежащим образом учитывать социальные и экологические аспекты устойчивого развития в законодательстве в области конкуренции и применять соответствующее законодательство в интересах устойчивого развития» [147].

Рациональное и эффективное применение законодательства в области конкуренции позволяет сдерживать и устранять антиконкурентную практику на рынке, а также наказывать за нее. Это способствовало бы развитию конкурентных рынков и повышению уровня благосостояния потребителей, так как антиконкурентная практика приводит к росту цен, ухудшению качества и ограничению выбора для потребителей. При этом признается, что органы по вопросам конкуренции, особенно в развивающихся странах, не обладают достаточными ресурсами. Поэтому они должны мак-

симально рационально использовать свои ресурсы. Этого можно добиться, в частности, за счет расстановки приоритетов.

Органы по вопросам конкуренции могут выделять приоритетные области для обеспечения правоприменения, исходя из их влияния на устойчивый и инклюзивный рост и развитие. Некоторые органы по вопросам конкуренции уже разработали руководящие принципы определения таких приоритетов. В этой связи можно привести удачный пример из опыта Южной Африки. В 2008 году в рамках процесса стратегического планирования Комиссия по вопросам конкуренции Южной Африки разработала критерии для определения приоритетов. Один из таких критериев – «воздействие на малоимущих потребителей» [147]. На основе этих критериев Комиссия выделила четыре приоритетные области: продовольственные товары и переработка сельскохозяйственного сырья, инфраструктура и строительство, банковская деятельность и промежуточная промышленная продукция. Точно также Управление по вопросам конкуренции Кении направляет свои усилия на обеспечение доступа малоимущих людей к базовым продуктам и услугам по низким ценам. В Республике Корея в рамках работы по снижению угрожающего уровня инфляции после глобального экономического кризиса Комиссия по добросовестной конкуренции внедрила программу отслеживания случаев фиксации цен на основные товары, так как резкие скачки цен на них могут иметь серьезные последствия для домохозяйств. Благодаря этой инициативе было выявлено несколько картелей в сфере производства и продажи лапши быстрого приготовления, яиц и бензина. Другие органы по вопросам конкуренции, в том числе в Индонезии и на Маврикии, в рамках своих правоприменительных мер уделяют основное внимание тем секторам, которые удовлетворяют базовые потребности населения.

В странах, где сельское хозяйство играет важную роль в экономике и жизни малоимущего населения, оно могло бы стать приоритетным сектором для целей применения законодательства в области конкуренции.

Этот сектор часто сталкивается с проблемой высокого уровня концентрации в верхних и нижних звеньях производственно-сбытовой цепи. Это оказывает существенное влияние на мелких фермеров и малоимущее население, особенно в развивающихся и наименее развитых странах, доходы которых сильно зависят от экспорта таких сельскохозяйственных культур, как кофе, хлопок, какао и табак. Верхнее звено представлено лишь несколькими доминирующими компаниями, которые покупают продукцию у мелких фермеров и ввиду своей олигопсонии устанавливают закупочные цены на такие сельскохозяйственные культуры. В одном из исследований Всемирного банка рассматривается вопрос о том, как внутренняя структура экспортных рынков и уровень конкуренции влияют на показатели бедности и благосостояния людей, живущих в отдаленных сельских районах Африки. Предметом этого исследования являются такие продукты, как кофе, хлопок, какао и табак в следующих восьми странах: Бенине, Буркина-Фасо, Гане, Замбии, Кот-д'Ивуаре, Малави, Руанде и Уганде. Эти сельскохозяйственные культуры, которые являются основным источником экспортных поступлений для этих стран, в основном производятся мелкими фермерами. Поэтому изменение экспортных цен на эти товары может способствовать существенному повышению уровня жизни фермеров. В этом исследовании подтверждено, что усиление конкуренции между обрабатывающими и экспортирующими компаниями выгодно для мелких фермеров. Кроме того, отмечается, что активизация конкуренции усиливает положительное воздействие дополнительных мер политики, направленных на улучшение услуг и инфраструктуры, которые имеют важное значение для фермеров и компаний в этом секторе. Это свидетельствует о важном значении разработки дополнительных и согласованных мер политики для достижения целей устойчивого и инклюзивного развития.

Сельскохозяйственный сектор подвержен также влиянию антиконкурентной практики на рынках таких ресурсов, как удобрения, семена и агрохимикаты. Во всем мире эти рынки заняты главным образом несколькими многонациональными компаниями. На рынке готовой продукции отмечается повсеместная тен-

денция к объединению предприятий розничной торговли, что приводит к появлению сетей распределения и розничной продажи сельскохозяйственной продукции с высокой степенью концентрации. В этих сегментах важную роль в борьбе с антиконкуренционной практикой могут сыграть меры по применению и пропаганде законодательства в области конкуренции. Кроме того, ввиду их менее конкурентного характера эти олигополистические рынки могут оказать негативное влияние на производителей и потребителей сельскохозяйственной продукции даже при отсутствии антиконкурентной практики. Эффективным средством предупреждения дальнейшего объединения предприятий на рынках вводимых ресурсов и обработки, где уже отмечается высокая степень концентрации, могут быть режимы контроля за слияниями. Кроме того, со всеми случаями сговора или злоупотребления рыночным влиянием на этих рынках можно бороться посредством соответствующих положений законодательства в области конкуренции. Эту проблему можно также решить за счет дополнительных норм или стратегий, направленных на поощрение конкуренции и выхода новых игроков на рынки сбыта и розничной торговли. Органы по вопросам конкуренции могут также поощрять разработку направленных на стимулирование конкуренции программ государственной помощи в сельскохозяйственном секторе. В исследовании ЮНКТАД по вопросу о сельскохозяйственном развитии Мексики, которое посвящено конкуренции в области производства и продажи кукурузы в этой стране, показано, что в результате создания программ субсидирования сельского хозяйства крупные предприятия по производству кукурузы оказались в более благоприятном положении по сравнению с мелкими производителями кукурузы, что привело к искажению конкуренции в ущерб интересам последних. В этом исследовании рекомендуется разработать стимулирующие конкуренцию программы государственной помощи, которые позволили бы мелким производителям кукурузы расширить свою деятельность и успешно конкурировать на торговых рынках.

Одна из проблем, стоящих перед органами по вопросам конкуренции в развивающихся странах, заключается в том, что многие

многонациональные компании, в частности, работающие в сельскохозяйственном секторе и влияющие на местные рынки, не подпадают под их юрисдикцию. Поэтому данную проблему экстерриториальности, вероятно, удастся решить, изучив возможность применения региональных правил в области конкуренции, как, например, в Европейском союзе и в рамках Общего рынка восточной и южной частей Африки.

Для того, чтобы устанавливаемые компетентными органами приоритеты способствовали достижению целей устойчивого и инклюзивного роста и развития, они должны согласовываться с другими государственными стратегиями и разрабатываться на основе информации, получаемой от других соответствующих государственных учреждений, в частности отвечающих за экономическую, торговую и социальную политику, в том числе политику, касающуюся занятости, здравоохранения, образования, молодежи, гендерных вопросов, меньшинств и охраны окружающей среды.

Органы по вопросам конкуренции могут также содействовать устойчивому и инклюзивному развитию посредством влияния на процесс принятия решений через пропаганду конкуренции. Органам по вопросам конкуренции следует взаимодействовать с другими государственными структурами для обеспечения того, чтобы действующие нормы или стратегии не нарушали принципы конкуренции таким образом, чтобы это препятствовало обеспечению устойчивого развития. Можно рассмотреть пример экологической политики. Одна из ее целей – снизить объемы выбросов парниковых газов. Этого можно добиться, в частности, за счет создания рынка для торговли выбросами. В Европейском союзе такая система торговли выбросами была создана в 2005 году. На этих рынках, так же как и на других, покупатели и продавцы могут вступать в сговоры, что может привести к снижению эффективности этих рыночных механизмов и искажению ценовых сигналов. Поэтому компетентным органам следует играть активную роль в создании и регулировании таких рыночных механизмов для обеспечения их эффективности и недопущения сговоров.

Органы по вопросам конкуренции могут также изучить возможности, связанные с политикой в области государственных закупок, и выступать за транспарентный и конкурентный процесс закупок во избежание ненадлежащего использования государственных ресурсов в результате сговоров на торгах, завышенных заявок на торгах и коррупции. На долю государственных закупок в мире приходится в среднем от 13 до 20 % валового внутреннего продукта и поэтому они имеют большое значение с точки зрения выделения и использования государственных средств, т. е. денег налогоплательщиков. Сговоры на торгах приводят к увеличению цен, по которым государство закупает товары и услуги у поставщиков. Поэтому применение законодательства в области конкуренции имеет важнейшее значение для выявления и предупреждения картельных сговоров на публичных торгах. Это позволило бы эффективно и добросовестно использовать государственные бюджетные средства и даже сэкономить ресурсы, которые можно будет направить на достижение целей устойчивого развития.

В 2006 г. орган по вопросам конкуренции Мексики выявил тайный сговор в ходе публичных торгов на человеческий инсулин и электролитические растворы, которые были организованы в ходе осуществления государственных закупок Мексиканским институтом социального обеспечения в период 2003–2006 годов. Институт является третьей крупнейшей государственной закупочной организацией в Мексике и самым крупным покупателем фармацевтических препаратов и товаров медицинского назначения в Латинской Америке. В январе 2010 г. орган по вопросам конкуренции наложил штраф в размере 151,7 млн мексиканских песо на шесть фармацевтических компаний, вступивших в картельный сговор в ходе проведения торгов. Благодаря выполнению рекомендаций этого органа, направленных на придание этому процессу более конкурентного характера и касавшихся, в частности, осуществления объединенных покупок, проведения реверсивных торгов, снижения справочных цен и реализации возможности участвовать в торгах международным поставщиком,

Институт за период 2006–2011 годов сэкономил приблизительно 46 млрд мексиканских песо.

В заключение стоит отметить, что политика в области конкуренции дополняет другие меры государственной политики. Поэтому ее не следует разрабатывать в отрыве от экономических, социальных и экологических условий и потребностей страны. Политика и законодательство в области конкуренции могли бы помочь решить проблемы в этих областях и при их надлежащей разработке и эффективном применении с учетом ситуации в стране они могут способствовать достижению целей устойчивого и инклюзивного роста и развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В стратегической программе экономического развития Кыргызской Республики конкурентным отношениям отводится роль главного рычага и двигателя модернизации экономики.

Пандемия коронавируса COVID-19, которая стремительно распространялась по всему миру с конца 2019 года, оказала сильное влияние и на экономику республики, и на конкурентные отношения. В условиях глобального экономического кризиса, обусловленного, прежде всего, карантинном из-за вируса COVID-19, имеют место обострение конкурентной борьбы и негативные социально-экономические потрясения в Кыргызстане.

В данных обстоятельствах возникла острая «необходимость поиска новых стимулов экономического развития, переосмысления зарубежного и отечественного опыта конкурентных отношений, а также и определение своего пути их совершенствования с учетом национальной специфики в условиях трансформации экономики и глобализации мирового хозяйства.

Некоторые теоретические и практические аспекты развития конкурентных отношений и конкуренции весьма мало разработаны и являются предметом дискуссии ученых-экономистов. В связи с этим возникла необходимость дополнительного исследования конкурентных отношений в условиях трансформации экономики с учетом различных факторов и пандемии COVID-19.

Подводя итоги исследования развития конкурентных отношений в трансформационной экономике, сформулируем основные выводы:

1. Необходимо дифференцировать такие экономические категории, как «конкуренция», «конкурентоспособность» и «конкурентные отношения», а также предлагается уточнение последнего понятия. Конкурентные отношения – это система экономических отношений, типичных в условиях рынка, базирующихся на частной собственности, институциональных нормах и экономическом интересе.

В отличие от множества других подходов к данной категории данное определение акцентирует внимание на системе экономических отношений между конкурентами, государством.

Конкурентные отношения могут быть: конфликтными и бесконфликтными; взаимозависимыми и независимыми; нерегулируемыми и регулируемыми государством.

2. К трактовке дефиниции «конкурентные отношения» можно выделить четыре научных подхода:

- идентичный;
- общетеоретический;
- специфический;
- институциональный.

Понятие «конкуренция» находится в диалектическом единстве с понятием «конкурентные отношения», они взаимосвязаны, более того, надо признать, что в основе конкурентных отношений лежит конкуренция. Однако, на наш взгляд, между данными понятиями нельзя ставить знак равенства.

Ряд авторов определяет конкурентные отношения с позиции специфического подхода, суть которого сводится к тому, что многие ученые придерживаются точки зрения, согласно которой конкурентные отношения в различных сферах отличаются по ряду признаков.

Безусловно, необходимо согласиться, что конкурентные отношения в банковской сфере или торговле имеют свои особенности. Между тем, мы полагаем, что для исследования конкурентных отношений, в первую очередь, играют важную роль закономерности и общие черты.

Институциональный подход к исследованию понятия «конкурентные отношения» довольно широко представлен в литературе последних лет. С точки зрения институционального подхода, конкурентные отношения – это отношения между институтами, предполагающие необходимость правового регулирования конкуренции.

Общетеоретический подход к конкурентным отношениям связан, прежде всего, с научными разработками М. Портера, в ко-

торых конкурентные отношения определяются влиянием пяти конкурентных сил.

3. Авторы монографии предлагают классифицировать многообразные концепции конкурентных отношений, выделив традиционные и современные теории конкурентных отношений. В рамках традиционных концепций дифференцируют теории нерегулируемых конкурентных отношений, совершенства и отношений нововведений конкурентных отношений. К современным концепциям конкурентных отношений предлагается отнести: теории социализации конкурентных отношений, теории конкурентных преимуществ, теории издержек конкурентных отношений, конкурентной эволюции и теории кластерных конкурентных отношений.

4. Отличительные особенности конкурентных отношений в условиях трансформации экономики Кыргызстана:

- степень монополизации рынка выше, чем в государствах с исторически сложившимся рыночным хозяйством;
- большой рыночной властью обладают естественные монополии, функционирующие в базовых сферах экономики – электроэнергетике, коммуникациях, связи и т. д. Так, ОАО «Национальные электрические сети» контролирует 98 % потребителей электроэнергии, ОАО «Кыргызгаз» – 99 % внутреннего газового рынка;
- факты недобросовестной конкуренции и извлечения монополистических выгод стали носить распространенный, повсеместный и устойчивый характер.

5. Основные факторы, являющиеся ограничителями развития конкурентных отношений в республике:

- несоответствие законодательства в области конкуренции современным требованиям, что препятствует развитию конкурентных отношений;
- непосильное бремя налогов, что провоцирует основную массу предпринимателей к теневизации бизнеса;
- присутствие недобросовестной конкуренции в конкурентной среде;

- существование коррупционных схем, нарушающих конкурентные механизмы рынка;
- высокий уровень коррупции, что приводит к дискредитации идей честных рыночных конкурентных отношений;
- ограниченность авиа и железнодорожных перевозок в условиях пандемии COVID-19;
- политическая нестабильность и государственная бюрократия.

Таким образом, следует согласиться с мнением ученых, что успех экономических преобразований в немалой степени зависит от взвешенной, выверенной системы регулирования государством монопольных процессов и конкурентных отношений [155].

Поэтому на данном этапе огромное значение имеет развитие и усовершенствование законодательной базы по поводу регулирования монополистических процессов и конкуренции, понимание населением Кыргызстана необходимости экономических реформ в данной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

Нормативно-правовые акты

1. Указ Президента Кыргызской Республики от 1 февраля 1991 года № 79 «Об образовании Государственного комитета Республики Кыргызстан по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства».
2. Указ Президента Кыргызской Республики от 20 августа 1991 года № 258 «О преобразовании Государственного комитета Республики Кыргызстан по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства в Государственный антимонопольный комитет Республики Кыргызстан».
3. Указ Президента Республики Кыргызстан от 22 февраля 1992 года № 751 «О преобразовании Государственного антимонопольного комитета Республики Кыргызстан преобразован в Государственный комитет Республики Кыргызстан по ценам и антимонопольной политике».
4. Постановление Правительства Кыргызской Республики от 23 августа 1994 года № 639 «О преобразовании Государственного комитета по ценам и антимонопольной политике в Государственный департамент по антимонопольной политике при Министерстве экономики и финансов Кыргызской Республики».
5. Закон Кыргызской Республики от 15 апреля 1994 года № 1487-ХП «Об ограничении монополистической деятельности, развитии и защите конкуренции».
6. Указ Президента Кыргызской Республики от 1 октября 1998 года № 294 «О создании на базе Государственного департамента по антимонопольной политике при Государственном комитете Кыргызской Республики по экономике Национальной комиссия по защите и развитию конкуренции при Президенте Кыргызской Республики».
7. Закон Кыргызской Республики «О естественных монополиях в Кыргызской Республике» от 8 августа 2011 года № 149.

8. Закон Кыргызской Республики «О защите прав потребителей» от 10 декабря 1997 года № 90.
9. Закон Кыргызской Республики «О естественных и разрешенных монополиях в Кыргызской Республике» от 8 октября 1999 года № 106.
10. Закон Кыргызской Республики «О внесении изменений и дополнений в Закон Кыргызской Республики «О естественных и разрешенных монополиях в Кыргызской Республике» от 10 декабря 2004 года № 190.
11. Закон Кыргызской Республики «О внесении дополнений и изменений в Закон Кыргызской Республики «О естественных и разрешенных монополиях в Кыргызской Республике» от 30 марта 2009 года № 100.
12. Закон Кыргызской Республики «О внесении дополнения в Закон Кыргызской Республики «О естественных и разрешенных монополиях в Кыргызской Республике» от 27 апреля 2009 года № 135.
13. Закон Кыргызской Республики «О рекламе» от 24 декабря 1998 года № 155.
14. Закон Кыргызской Республики «О конкуренции» от 22 июля 2011 года № 116.
15. Постановление Правительства Кыргызской Республики «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке Кыргызской Республики» от 7 июля 2015 года № 461.
16. Отчет о деятельности за 2019 года Государственного агентства связи при Государственном комитете информационных технологий и связи Кыргызской Республики.
17. Постановление Правительства Кыргызской Республики «Об утверждении положения о Государственном агентстве антимонопольного регулирования при Правительстве Кыргызской Республики» от 17 мая 2013 года № 271.
18. Закон Кыргызской Республики «О продовольственной безопасности Кыргызской Республики» от 4 августа 2008 года № 183.

19. Государственный реестр субъектов естественных монополий в Кыргызской Республике, Государственный реестр субъектов, занимающих доминирующее положение на товарных рынках Кыргызской Республики, 2017, № 6 и 7, URL: <http://www.antimonopolia.gov.kg> (дата обращения: май 2020 г.).
20. Постановление Правительства Кыргызской Республики от 15 января 2010 года № 10 «Об Агентстве гражданской авиации при Министерстве транспорта и коммуникаций Кыргызской Республики».
21. Закон Кыргызской Республики «О лицензионно-разрешительной системе в Кыргызской Республике» от 19 октября 2013 года № 195.
22. Стратегическая программа развития и защиты конкуренции Кыргызской Республики на 2013–2017 гг.
23. Воздушный кодекс Кыргызской Республики от 6 августа 2015 № 218.
24. Отчет о деятельности за 2019 года Государственного агентства связи при Государственном комитете информационных технологий и связи Кыргызской Республики.
25. Отчет о деятельности антимонопольного органа Кыргызской Республики за 2015–2020 гг.
26. Программа Правительства Кыргызской Республики по развитию гражданской авиации Кыргызской Республики на 2016–2020 годы, утвержденная постановлением Правительства Кыргызской Республики от 17 марта 2016 года № 131.
27. Стратегическая программа развития антимонопольного регулирования Кыргызской Республики на 2018–2025 гг

Монографии, диссертации и учебники

28. *Беккер Г.* Избранные труды по экономической теории. Человеческое поведение: экономический подход. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

29. *Буагильбер П.* Рассуждение о природе богатства, денег и налогов. Гл. VI // *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 т. Т. 1.* М.: Мысль, 2004.
30. *Гусева В.И.* Экономический рост в трансформационной экономике (на материалах Кыргызской Республики): дис. ... д-ра экон. наук.
31. *Иванова Е.А.* Оценка конкурентоспособности предприятия: учебное пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2008.
32. *Корнилов Д.Т.* Качество банковской деятельности в условиях развития межбанковской конкуренции. Ярославль, 2004.
33. *Коробов Ю.А.* Теория банковской конкуренции. Саратов, 1996.
34. *Кравцевич С.В.* Историко-экономические взгляды на формирование представлений о конкуренции. Чита: ЧитГУ, 2011.
35. *Кэрнс Дж.* Некоторые ведущие принципы политической экономики. Лондон, 1974.
36. *Кенэ Ф.* Анализ экономической таблицы // *Ф. Кенэ, А.Р. Тюрго, Ж. Дюпон де Немур П.С. Физиократы. Избранные экономические произведения.* М.: Эксмо, 2008.
37. *Кинев А.Ю., Гаврилов Д.А., Пузыревский С.А.* Антиконтрентные соглашения и недобросовестная конкуренция: учебное пособие / под ред. канд. юрид. наук. С.А Пузыревского. М.: Проспект, 2016.
38. *Кузнецов Ю.М., Анохина Е.М., Заздравных Е.А.* Государственное стратегическое управление: монография. Санкт-Петербург: Питер, 2014. – 320.
39. *Кумсков В.И.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. III. Бишкек: КРСУ, 2013. С. 254.
40. *Кумскова Н.Х., Гусева В.И.* Экономический рост в трансформационной экономике Кыргызстана. Бишкек: КРСУ, 2012.
41. *Макконнелл К.Р.* Экономикс. Принципы, проблемы и политика / К.Р. Макконнелл, С.Л Брю, Ш.М. Флинн; пер. 19-го англ. изд. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 1056.
42. *Маркс К.* Капитал. Т. 3. М.: Политиздат, 1973.

43. *Маршалл А.* Принципы экономической науки. Т. 1. М.: Прогресс, 1993. С. 60.
44. *Мионов М.Г.* Ваша конкурентоспособность. М.: Альфа-Пресс, 2004.
45. *Олейник А.Н.* Институциональная экономика: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2002. 416 с.
46. *Портер Майкл Э.* Конкурентная стратегия. Методика анализа отраслей и конкурентов. М.: Альпина Паблишер, 2011.
47. *Портер Майкл Э.* Международная конкуренция. Сравнительные преимущества. М.: Политика, 2018.
48. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. М.: Эксмо, 2016. 1040 с.
49. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2016. 960 с.
50. *Философова Т.Г.* Конкуренция и конкурентоспособность. М.: Экзамен. 2007. – С. 96.
51. *Холопов А.В.* История экономических учений (для бакалавров). М., 2016.
52. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М., 1982.
53. Экономическая теория: Полный курс МВА.
54. *Юдин Э.Г.* Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997.
55. *Ядгаров Я.С.* История экономических учений: учебник. М., 2007.
56. *Ядгаров Я.С.* Курс лекций по дисциплине «История экономических учений» для студентов II курса, обучающихся по направлениям и формам всех экономических специальностей. М., 2008.

Научные статьи

57. *Айдарова К.Р.* Развитие конкурентных отношений и анти-монополярная политика в Кыргызской Республике // Международный научный журнал «Экономика, управление и об-

- разование». 2017. № 1. URL: <http://www.science.bafe.edu.kg/uploads/files/73a54947f169bc02624d82ec53b0ffe7.pdf>
58. *Айдарова К.Р.* Антимонопольное регулирование в Кыргызской Республике // Вестник КРСУ. 2018. Т. 18. С. 27. URL: <http://vestnik.krsu.edu.kg/archive/8/306>
 59. *Айдарова К.Р.* Анализ современного состояния конкуренции в Кыргызстане и пути ее развития // Научный журнал университета «Ала-Тоо». 2019. № 2. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39412632>
 60. *Айдарова К.Р.* Конкуренция на рынке услуг пассажирских авиаперевозок в Кыргызской Республике на современном этапе // Вестник КРСУ. Т. 20. № 7. URL: <http://vestnik.krsu.edu.kg/archive/155/6533>
 61. *Айдарова К.Р.* Временное государственное регулирование цен на социально-значимые товары в Кыргызской. // Вестник КРСУ. 2020. Т. 20. № 11. С. 13–17.
 62. *Архипов А.М.* Роль конкуренции в развитии рыночной экономики // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 4 (43). С. 62.
 63. *Аюпов А.Н.* Конкурентоспособность и модернизация национальной экономики Кыргызстана // Вестник ЕНУ. 2009. С. 24–28
 64. *Бакытова А.И., Касымова В.М.* Анализ развития рынка услуг связи телекоммуникационных компаний КР // Наука и инновационные технологии. 2020. № 14 (14). С. 36–43.
 65. *Быковский В.К.* Становление и развитие законодательства о защите конкуренции на пространстве СНГ и ЕАЭС // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 1.
 66. Вопросы конкурентной политики // Информационно-аналитический журнал (к 10-летию антимонопольного органа Кыргызской Республики. 2001. С. 2–3.
 67. *Гавриленков Е.* Российская экономика: перспективы макроэкономической политики // Вопросы экономики. 2006. № 4.

68. *Голиков И.А.* Особенности содержания понятий «конкуренция» и «конкурентоспособность» // Российское предпринимательство. 2016. № 10. С. 1251–1264.
69. *Голованова С.В., Мелешкина А.В.* Оценка взаимного влияния конкуренции и коррупции // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 6. С. 100–121
70. *Гуляев Г.Ю.* Сущность и закономерности конкурентных отношений // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2013.
71. *Гусева В.И., Айдарова К.* Конкурентные отношения как экономическая категория // Вестник КРСУ. 2021. Т. 21. № 7. С. 21–26.
72. *Гусева В.И., Айдарова К.* Трансформация экономики и различные теоретические подходы к исследованию конкурентных отношений // Вестник Кыргызского Национального аграрного университета им. К.И. Скрябина. 2021. № 1. С. 163–174.
73. *Дворкович А., Шарипова Е.* Государственная политика в 2005 году в области поддержания конкурентоспособности национальной экономики // Вопросы экономики. 2006. № 4.
74. *Евневич М. А.* Клиентоориентированность в цифровой экономике // Современная конкуренция. 2017. Т. 11. № 5(65).
75. *Исаев Б.* Роль конкуренции в рыночной экономике: необходимость проведения государственной конкурентной политики // Реформа. 2010. № 4. С. 21–23.
76. *Карпов А.Л.* Конкуренция как экономическая категория и ее место в экономической теории // Вестник Омского государственного университета. 2001. № 2. С. 89.
77. *Кравцевич С.В.* Историко-экономические взгляды на формирование представлений о конкуренции. Чита: ЧитГУ, 2011. С. 46.
78. *Коваленко А.И.* Теоретические и методологические аспекты использования концепции «конкурентоспособности» в научных исследованиях // Современная конкуренция. 2013. № 6(42). С. 65–79.

79. *Корнилов Д.Т.* Качество банковской деятельности в условиях развития межбанковской конкуренции. Ярославль, 2004.
80. *Коробов Ю.А.* Теория банковской конкуренции. Саратов, 1996.
81. *Кудайкулов М.К.* Эволюция свободной конкуренции в условиях развитой рыночной экономики // Вестник КРСУ. 2012. Т. 12. № 11. С. 88–91.
82. *Курнышева И. Р.* Развитие институтов конкуренции и конкурентных отношений // Современная конкуренция. 2016. 3(57). С. 49–57.
83. *Курнышева И. Р.* Институциональные предпосылки развития конкуренции и конкурентных отношений в Российской экономике // Современная конкуренция. 2013. 1(37). С. 49–57.
84. *Микрюкова Д.А.* Этапы развития неоклассической теории конкуренции // Вестник Московского университета. 2007. № 6. С. 6.
85. *Моисеева И.А.* Индекс восприятия коррупции как показатель степени коррумпированности в отдельной стране и мире // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12. № 1. С. 89–100.
86. *Москалевич Г.Н.* Борьба с коррупцией в монополистической деятельности в условиях евразийской интеграции // Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2016. № 1.
87. *Москалевич Г.Н.* Правовое регулирование конкурентных отношений в Евразийском экономическом союзе: проблемы и пути их решения // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2018.
88. *Ниязалиев К.С.* Формирование многоукладности экономики как фактор развития конкуренции в Кыргызстане // Вестник КРСУ. 2014. Т. 14. № 1. С. 33–36.
89. *Ниязалиев К.Н.* Совершенствование законодательства о конкуренции в Кыргызстане // Вестник КРСУ. 2014. Т. 14. № 2. С. 30–33.

90. *Ниязалиев К.* Обеспечение свободы предпринимательства в Кыргызской Республике // Вестник КРСУ. 2014. Т. 14. № 8. С. 123–126.
91. *Ниязалиев К.* Совершенствование антимонопольного регулирования экономики // Вестник КРСУ. 2014. Т. 14. № 8. С. 127–131.
92. *Пащенко И.Ю.* Развитие антимонопольного законодательства в мире: актуальные тенденции на современном этапе // Развитие общественных наук российскими студентами. 2017. № 6.
93. *Платонова Е.Д.* Об общенаучных подходах к исследованию конкуренции и конкурентных отношений // Современная конкуренция. 2007. 4(4). С. 104–113.
94. *Попков В.В.* О поддержании равноправной конкуренции на рынке банковских услуг // Деньги и кредит. 2001. № 5.
95. *Радченко Т.А., Сухорукова К.А.* Оценки уровня конкуренции и состояния конкурентной среды: обзор методов и результаты опросов в 2014–2016 гг. // Современная конкуренция. 2016. Т. 10. № 5(59). С. 28–46.
96. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения // Антология экономической классики: в 2 т. Т. 1. М.: МП «ЭКОНОВ», 1993. С 397–473.
97. *Роговицкий А.А.* Конкуренция в банковском секторе экономики России: теоретико-методологические основы исследования // Экономическая история. Обзорение. Выпуск 13. М.: Изд-во МГУ, 2007.
98. *Роговицкий А.А.* Банковская конкуренция: новые вызовы и тенденции развития // Экономические науки. 2007. №7 (32).
99. *Роговицкий А.А.* Конкуренция в банковском секторе экономики России: теоретико- методологические основы исследования // Экономическая история. Обзорение. Выпуск 13. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 162.
100. *Рязанов А.А.* Эволюция теории конкуренции // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2017. № 2 (21). С. 21–30.

101. *Смирнов А.В.* Воздействие на рыночную структуру: анализ подходов применительно к рынку России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020. № 2 (50). С. 226–23
102. *Смирнова Е.В.* Влияние конкуренции на изменение структуры товарных рынков // Управление экономическими системами. 2011.
103. *Стрелкова В.В.* К вопросу о квалификации конкурентных отношений в правовой системе Российской Федерации // Вестник науки и образования. 2019. № 11 (65). Часть 1. С. 82–86.
104. *Полтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. № 2. С. 5.
105. *Попков В.В.* О поддержании равноправной конкуренции на рынке банковских услуг. // Деньги и кредит. 2001. № 5.
106. *Портер Майкл Э.* Международная конкуренция. Сравнительные преимущества. М.: Политика, 2018.
107. *Прокопенко С.А.* Конкуренция и конкурентоспособность: проявление и сущность // Вестн. Кузбас. гос. техн. ун-та. 2001. № 1. С. 108–113.
108. *Проценко В. С.* Конкуренция и ключевые этапы её развития в процессе эволюции экономических отношений. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2017. № 15 (149). С. 451–453. URL: <https://moluch.ru/archive/149/42315/> (дата обращения: 28.07.2020).
109. *Хайек Ф.А.* Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12. С. 8.
110. *Хочиева Л.* Принципы регулирования конкуренции в Кыргызстане // Экономика и статистика. 2003. № 1. С. 22–29.
111. *Философова Т.Г.* Конкуренция и конкурентоспособность. М.: Экзамен, 2007. С. 96.
112. *Фелештин В.И.* Современные тенденции развития теории конкуренции // Экономический журнал. 2014. С. 47–57.
113. *Шакиев Ш.О.* Конкуренция как основное условие рыночной экономики // Экономика и статистика. 2013. № 1. С. 38–41.

114. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М., 1982. С. 158.
115. *Эрроу К.* Возможности и пределы рынка как механизма распределения ресурсов // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 53–68.

Статистические сборники:

116. Кыргызстан в цифрах. Бишкек: Нацстатком КР, 1996–2020 (20 сборников).
117. Социально-экономическое положение Кыргызской Республики. Бишкек: Нацстатком КР, 2012.

Интернет-ресурсы

118. URL: <https://book.ru> (дата обращения: 09.05.2021).
119. URL: <https://www.financialguide.ru/encyclopedia/konkurentosposobnost>
120. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii> (дата обращения: 10.02.2021).
121. URL: <https://kchr.fas.gov.ru/corruption/reports/8898>
122. URL: <https://e-history.kz/ru/kazakhstanika/show/12208/> (дата обращения: 12.05.2021).
123. URL: <http://ponjatija.ru/node/16103> (дата обращения: 10.04.2021).
124. URL: <https://mrxsm.ru/zakon-edinstva-i-borby-protivopolozhnostej/>
125. URL: <https://infopedia.su/2x7c87.html>
126. URL: <https://kchr.fas.gov.ru/corruption/reports/8898>
127. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii> (дата обращения: 10.05.2021).
128. URL: <https://gtmarket.ru/research/worldwide-governance-indicators>
129. URL: <https://center-yf.ru/data/Marketologu/globalnaya-konkurentosposobnost-v-2020-godu.php>

130. URL: <http://www.weforum.org>
131. 124. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg>
132. URL: <http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/782/56782/27361?page=2> (дата обращения: 10.04.2021).
133. URL: <http://ponjatija.ru/node/16103> (дата обращения: 10.04.2021).
134. URL: <https://economics.studio> (дата обращения: 12.06.2019).
135. URL: <http://cyberleninka.ru> (дата обращения: 11.04.2021).
136. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 15.05.2021).
137. URL: <https://center-yf.ru/data/Marketologu/globalnaya-konkurentosposobnost-v-2020-godu.php> (дата обращения: 13.05.2021).
138. URL: <http://li.i-docx.ru> (дата обращения: 11.02.2021).
139. URL: http://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/tdrbp-conf8d6_ru.pdf
140. URL: <http://arch.kyrlibnet.kg/uploads/UAMAMYRALIEV-2014-4.pdf>
141. URL: <https://knews.kg/2021/01/28/indeks-vospriyatiya-korruptsii-2020-kyrgyzstan-uluchshilsya-na-odin-ball/> (дата обращения: 30.03.2021).
142. URL: <http://lib.krsu.edu.kg/uploads/files/public/7828.pdf>
143. URL: https://ru.qaz.wiki/wiki/Transformation_in_economics (дата обращения: 11.03.2021).
144. URL: <http://www.antimonopolia.gov.kg/index.php?act=material-&id=584>
145. URL: <http://www.gov.kg>
146. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditcclp-20041ch0_en.pdf
147. URL: <http://ivo.garant.ru/#/documen..>
148. URL: <http://dlib.rsl.ru/rsl01006000...>
149. URL: <http://www.studentlibrary.ru/d...>
150. URL: <http://unctad.org/en/Docs/tdxi..>
151. URL: <http://www.oecd.org/daf/compet..>

152. URL: <http://kai.ru/science/disser/f...>
153. URL: <http://dep.nlb.by/jspui/handle..>
154. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id...>
155. URL: <https://economics.studio/mikro...>
156. URL: <http://economy-lib.com/ekonomi..>
157. URL: <http://www.moderncompetition.ru/general/upload/articles/p28-46.pdf>
158. URL: <http://ivo.garant.ru/#/documen...>
159. URL: <http://dep.nlb.by/jspui/handle...>
160. URL: <https://textb.net/84/11.html...>
161. URL: http://economicarggu.ru/2014_2..
162. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id...>
163. URL: <https://yandex.ru/search/?text...>
164. URL: <http://www.studentlibrary.ru/d...>
165. URL: <http://lib.krsu.edu.kg/uploads...>
166. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id...>
167. URL: <http://dep.nlb.by/jspui/handle...>
168. URL: <https://ru.djvu.online/file/9v..>
169. URL: <http://li.i-docx.ru/28ekonomik...>
170. URL: <http://dep.nlb.by/jspui/handle..>
171. URL: <http://ibooks.ru/reading.php?s..>

В.И. Гусева, А.Р. Айдарова

КОНКУРЕНТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ:
ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА

Монография

Редактор *Е.М. Кузичева*
Корректор *О.А. Матвеева*
Компьютерная верстка *С. Боконбаева*

Подписано в печать 28.01.2023.
Формат 60×84^{1/16}. Печать офсетная.
Объем 8,75 п. л. Тираж 100 экз. Заказ 37.

Издательство КРСУ
720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44.

Отпечатано в типографии КРСУ
720048, г. Бишкек, ул. Анкара, 2 а.